Второй годъ изданія.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину

№ 27 1-го ноября 1902 года. № 27

КЪ ЭПИЛОГУ КРЕСТЬЯНСКИХЪ БУНТОВЪ.

Съ харьковскими и полтавскими процессами закончится весь эпизодъ весеннихъ „бунтовъ“. Теперь уже всякому должно быть ясно, что чиновничья и помѣщичья Россія совершенно неправильно приписала революціонной агитаціи отвѣтственность за случившееся. Совершенно неправильно, — прежде всего потому, что, какъ ясно вытекаетъ даже изъ матеріала, собраннаго обвинительными актами по крестьянскимъ процессамъ, недавнее движеніе было непосредственно вызвано крайнимъ обостреніемъ хронической нужды систематически и безсовѣстно ограбляемыхъ крестьянъ.

Объ участіи „агитаторовъ“ въ возбужденіи крестьянскихъ „бунтовъ“ — обвинительные акты ничего не говорятъ, если не считать отмѣченнаго въ обвинительномъ актѣ по дѣлу о разгромѣ экономіи Рабича показанія подсудимыхъ крестьянъ, которые, „упоминая о своей крайней нуждѣ, высказались, что дѣйствовали по примѣру сосѣднихъ деревень Полтавской губ., гдѣ, какъ они слышали, появлялись ‚студенты‘, которые или учили народъ, — что ему дано право пользоваться имуществомъ ‚пановъ‘, или даже сами, предводительствуя толпой, производили взломы амбаровъ и приглашали крестьянъ къ ихъ расхищенію“. Нигдѣ въ актахъ нѣтъ и рѣчи о томъ, чтобы предводителями толпы при разгромахъ являлись революціонеры. Такими предводителями бывали или мѣстные же крестьяне, или прибывшіе изъ „бунтовавшихъ“ мѣстностей.

Что среди крестьянъ мѣстами велась пропаганда — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Вѣрно и то, что вызванное крайней нуждой возбужденіе крестьянъ было значительно усилено смутными слухами о городскихъ волненіяхъ, отразившихся въ умахъ крестьянъ, какъ борьба „студентовъ“. Но все это говоритъ только о томъ, что русское крестьянство — несмотря на китайскую стѣну, которою самодержавіе его отрѣзало отъ культурной Россіи — начинаетъ, если еще не жить исторической жизнью, то уже прислушиваться къ ней. И если при этомъ вся вѣками воспитанная крестьянская темнота рѣзко даетъ себя знать въ формахъ проявленія мужицкаго недовольства. то нелѣпо отвѣтственность за эти формы взваливать на тѣ первые лучи политическаго сознанія, которые пыталась внести въ эту среду революціонная пропаганда. Не новая Россія съ ея гражданскими формами и съ ея классовымъ самосознаніемъ сказалась въ этихъ стихійныхъ вспышкахъ; въ нихъ проявила себя — вѣроятно, еще не въ послѣдній разъ — старая Россія съ ея азіатскими формами политическихъ отношеній, съ ея дореформенными политическими горизонтами, съ ея стадной импульсивностью, далекой отъ правильнаго представленія о соотношеніи между цѣлью и средствами.

Испуганному уму собственника картина расхищеній „панскаго“ имущества представляется первымъ практическимъ приложеніемъ ученій соціализма. Но это невѣрно. Соціализмъ никогда не призывалъ „дѣлить“ богатства эксплуататоровъ. „Дѣлежъ, говоритъ Каутскій (Эрфуртская программа) — это соціализмъ мелкихъ производителей, это соціализмъ такъ-называемыхъ „консервативныхъ“ слоевъ народа, это не есть соціализмъ пролетаріата крупной промышленности“. Не вышедшее еще изъ круга предразсудковъ, воспитанныхъ условіями существованія мелкаго самостоятельнаго хозяйства, крестьянство естественно видитъ свое спасеніе отъ нищеты въ раздѣлѣ тѣхъ земельныхъ богатствъ, которые захвачены помѣщиками и служатъ въ ихъ рукахъ ближайшимъ образомъ средствомъ закабаленія крестьянъ. Какъ отмѣчаетъ тамъ же Каутскій, этотъ пріемъ „дѣлежа“ захваченныхъ монополистами богатствъ крестьяне неоднократно примѣняли на дѣлѣ. „Всего только сто лѣтъ назадъ — во время французской революціи, которая такъ рѣзко подчеркивала право частной собственности, — ремесленники и крестьяне совершили раздѣлъ церковныхъ имѣній“. Этотъ раздѣлъ, какъ извѣстно, всего менѣе способствовалъ устраненію капитализма; напротивъ, онъ послужилъ однимъ изъ средствъ преобразованія феодальнаго строя въ буржуазно-капиталистическій. Не иначе отразился бы на современной Россіи и раздѣлъ между крестьянами даже всей помѣщичьей земли. Этотъ раздѣлъ послужилъ бы сильнѣйшимъ толчкомъ къ развитію товарнаго производства, внутренняго рынка для фабричной промышленности, а, слѣд., къ дальнѣйшему разложенію крестьянской массы, росту въ ней классовыхъ противорѣчій и классовой борьбы. Въ конечномъ счетѣ онъ создалъ бы благопріятныя условія для развитія соціалистическ. движенія, но самъ по себѣ онъ былъ бы не методомъ осуществленія соціализма, а методомъ развитія буржуазнаго строя на развалинахъ вымирающаго крѣпостного. Если, поэтому, организуемое соіалдемократіей классовое движеніе пролетаріата встрѣчаетъ на своемъ пути въ современной Россіи нерѣшенный исторіей вопросъ о стремленіи многомилліоннаго крестьянства рѣшительно развязаться съ вѣковымъ гнетомъ помѣстнаго землевладѣнія; если, въ этомъ своемъ стремленіи, крестьянство не выходитъ — и въ цѣломъ еще не можетъ выйти — изъ круга по существу буржуазныхъ представленій о раздѣлѣ, равненіи и т. п., то далекая отъ священнаго трепета собственниковъ передъ такою „грубостью простонародья“, соц.-демократія одинаково далека отъ вульгарно-„соціалистической“ идеализаціи этихъ стремленій. Съ точки зрѣнія интересовъ классовой борьбы пролетаріата, — единственной борьбы, ведущей къ освобожденію человѣчества, — она взвѣшиваетъ соціальную и политическую цѣнность всѣхъ возникающихъ въ современной Россіи общественныхъ движеній, беретъ на себя поддержку всего того въ нихъ, что содѣйствуетъ общественному развитію, подхватываетъ всѣ тѣ требованія разныхъ общественныхъ классовъ, которыя таятъ въ себѣ революціонную борьбу противъ учрежденій и порядковъ, стоящихъ на пути развитія пролетарской классовой борьбы, освобождаетъ эти требованія отъ налипшаго на нихъ въ процессѣ историческаго развитія покрова мистическихъ и реакціонныхъ представленій, тѣмъ самымъ связывая эти требованія съ основнымъ великимъ „національнымъ“ требованіемъ дня — съ задачей гражданскаго и политическаго раскрѣпощенія русскаго народа, и доводитъ до логическаго конца революціонные и демократическіе элементы этихъ требованій. Она не скажетъ крестьянамъ, что осуществленіе ихъ притязаній на панскую землю будетъ началомъ конца всякаго буржуазнаго развитія, началомъ конца всякой эксплуатаціи человѣка человѣкомъ. Она не скажетъ этого, потому что сказать это — значило бы вдаваться въ демагогію и дурачить крестьянство. Напротивъ, она скажетъ ему (и рабочему, и „обществу“), что осуществленіе его стремленій къ прирѣзкѣ земли можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, избавить его отъ мученій докапиталистической, кабальной эксплуатаціи, но не разрѣшитъ вопроса о той общей буржуазной эксплуатаціи, которая тяготѣетъ надъ всѣми трудящимися массами и обусловливаетъ собой содержаніе соціалистическаго рабочаго движенія. Она поддержитъ крестьянскія требованія объ экспропріаціи земель, служащихъ средствомъ поддержанія кабальныхъ, полукрѣпостническихъ общественныхъ отношеній, и поможетъ раціональной формулировкѣ этихъ требованій, но она никогда не опустится до того, чтобы въ этихъ требованіяхъ признать свой соціалистическій идеалъ и чтобы питать въ крестьянствѣ вѣру въ исцѣлимость всѣхъ его соціальныхъ недуговъ примѣненіемъ этого средства.

И съ той же точки зрѣнія соціалдемократія должна отнестись къ выставленному теперь съ разныхъ сторонъ требованію „національзаціи земли“. Въ этомъ требованіи она прежде всего усматриваетъ попытку прикрыть соціалистическимъ ореоломъ буржуазныя требованія „раздѣла“ и „равненія“, попытку дешевой цѣной откупиться отъ кажущагося противорѣчія между нашей соціалистической конечной цѣлью, требующей объединенія средствъ производства въ рукахъ общества, и ближайшими лозунгами дня, среди которыхъ всего громче раздается крестьянское требованіе о „прирѣзкѣ земли“.

Недавно, на одномъ русскомъ собраніи заграницей, ораторъ, громившій „Искру“ за ея аграрную программу, сказалъ, что въ настоящее время всякій политическій шарлатанъ, который предложитъ крестьянамъ національзацію земли, будетъ имѣть успѣхъ. Очень можетъ быть. Но именно поэтому соціалдемократія имѣетъ всѣ основанія не спѣшить подхватывать этотъ соблазнительный лозунгъ. Мы слишкомъ отчетливо представляемъ себѣ, какіе общественные классы пріобрѣтутъ политическое господство въ Россіи на другой день послѣ переворота, за который мы боремся, чтобы восторгаться идеей о передачѣ въ руки этихъ буржуазныхъ классовъ распоряженія земельнымъ фондомъ страны. А, съ другой стороны, мы слишкомъ хорошо понимаемъ всю психологію требованія національзаціи. Мы знаемъ, что большинство русскихъ соціалистовъ, говорящихъ о ней. не даютъ себѣ отчета, въ какомъ отношеніи это требованіе должно стоять къ конечной цѣли движенія. Сама по себѣ національзація земли далека отъ того, чтобы быть преддверіемъ къ соціалистическому строю, подобно тому, какъ переходъ въ руки государства желѣзныхъ дорогъ или даже угольныхъ шахтъ не есть еще само по себѣ начало осуществленія соціализма. Не устраняя капиталистическихъ отношеній и порождаемой ею классовой борьбы, національзація земли только измѣняетъ форму борьбы за владѣніе одной частью средствъ производства, превращая ее въ борьбу не съ классомъ землевладѣльцевъ, а со всѣмъ капиталистическимъ обществомъ, владѣющимъ землей (или рентой на землю). Поскольку такая перемѣна упрощаетъ механизмъ соціалистической борьбы пролетаріата, она можетъ считаться прогрессивной. Но другое дѣло, когда — а таковъ, несомнѣнно, нашъ случай — національзація земли въ представленіи ея апостоловъ связана съ упроченіемъ и увѣковѣченіемъ мелкаго, изолированнаго крестьянскаго хозяйства, съ подмѣной пролетарскаго соціализма мелкобуржуазнымъ индивидуализмомъ или кооперативизмомъ. Говоря, что національзація обобщаетъ нынѣшнія требованія русскихъ крестьянъ о „прирѣзкѣ“ земли, наши демократы и „соц.-рев.“ тѣмъ самымъ признаются, что имъ эта національзація нужна именно для поддержанія если не самого крестьянскаго „самостоятельнаго“ хозяйства, то, по крайней мѣрѣ, крестьянскихъ предразсудковъ объ укрѣпленіи такого хозяйства при капитализмѣ. Если же при этомъ, полемизируя противъ насъ, говорятъ, что наша ближайшая революція будетъ не буржуазной, а демократической, хотя и не соціалистической, то это несравненное возраженіе окончательно выдаетъ съ головой возражающихъ, свидѣтельствуя, что ихъ ближайшимъ идеаломъ является мелкобуржуазный укладъ крестьянскаго хозяйства, „ограничивающій“ (въ ихъ представленіи) господство капитализма, неизбѣжность дальнѣйшаго развитія каковаго уже не отрицаетъ ни одинъ „соц.-рев.“ Соціалдемократія не можетъ приложить своихъ рукъ къ дѣлу одурачиванія мужика увѣреніями, что ближайшій политическій переворотъ, при условіи національзаціи земли, обезпечитъ ему безмятежную обитель въ царствѣ развивающагося капитализма. Поддерживая и помогая ему формулировать его требованія о „прирѣзкѣ“, она не станетъ скрывать ни отъ себя, ни отъ него, палліативнаго характера этихъ требованій и полной совмѣстимости съ нормами буржуазнаго строя тѣхъ методовъ „раздѣла“ и частичной экспропріаціи, которыми могутъ быть достигнуты эти прирѣзки; она не станетъ замалчивать того для нея несомнѣннаго факта, что для „трудового крестьянства“ задача соціальнаго освобожденія неразрѣшима внѣ задачи соціальнаго освобожденія пролетаріата, внѣ соціалистической революціи.

Русское рабочее движеніе начинаетъ политически формироваться въ то время, когда исторія еще не разрѣшила тѣхъ свойственныхъ до-капиталистической эпохѣ общественныхъ вопросовъ, которые не могутъ быть разрѣшены безъ примѣненія такихъ — непосредственно „несоціалистическихъ“ — методовъ политической борьбы, какъ „раздѣлъ“, частичная экспропріація, какъ сословное возстаніе противъ привилегированнаго сословія тунеядцевъ, какъ „общенаціональное“ движеніе „народа“ противъ учрежденій, одновременно пригнетающихъ и буржуазные, и пролетарскіе, и промежуточные элементы этого народа. Закрывать глаза на этотъ фактъ, значило бы проявлять крайнюю близорукость. Но выбрасывать изъ-за этого факта за бортъ все то, что даетъ намъ наше соціалистическое сознаніе, было бы политическимъ авантюризмомъ. Поддерживая борьбу революціонной и оппозиціонной интеллигенціи съ самодержавіемъ, мы никогда не опустимся до того, чтобы увѣрять (или вѣрить), будто ея политическое движеніе тождественно съ борьбой противъ классового господства; руководя стачечной (профессіональной) борьбой рабочихъ массъ, мы не станемъ поддерживать предразсудка, будто эта борьба сама по себѣ приведетъ къ освобожденію рабочаго класса. И помогая крестьянству вести успѣшную борьбу съ крѣпостниками, мы не станемъ сѣять вредныхъ иллюзій о значеніи этой борьбы, не станемъ повторять за соц.-revол., будто бы объединеніе этого крестьянскаго и нашего рабочаго движенія достигнуто „навѣки нерушимо“ тѣмъ фактомъ, что рабочій-революціонеръ стрѣлялъ въ палача крестьянъ Оболенскаго. „И отнынѣ чистой кровью Ѳомы Кочуренко навѣки связана крестьянская и рабочая борьба“, повторяетъ „Народное Дѣло“ (№ 2, стр. 19). Кровь рабочихъ смѣльчаковъ, какъ Кочуръ, очень дорога намъ, но мы позволимъ себѣ все же высказать ту кощунственную мысль, что такой дешевой цѣной та связь, о которой говорятъ соц.-револ., не можетъ быть достигнута даже въ дѣлѣ завоеванія одной только свободы. Фраза „Народнаго Дѣла“ выражаетъ вздорную и вредную мысль. Не потому только, что по ея точному смыслу, если г. Плеве вздумается не казнить Кочура, а заключить его въ Шлиссельбургъ, то связь между крестьянской и рабочей борьбой нѣсколько ослабѣетъ. Мысль, выраженная здѣсь, вздорна и вредна потому, что она является порожденіемъ все той же попытки спутать и воедино смѣшать задачи соціаль-демократическаго движенія рабочаго класса и демократической борьбы придавленныхъ самодержавіемъ другихъ слоевъ народа, порожденіемъ все того же пренебрежительнаго отношенія къ политическому воспитанію, извлекаемому народными массами изъ долгой, упорной и открытой классовой борьбы. Такъ просто, какъ у соц.-револ., только „сказка сказывается“, а не дѣло дѣлается. Надъ дѣломъ же созданія крѣпкой связи между „крестьянской и рабочей борьбой“ придется поработать и крестьянству, и рабочему классу. Рабочій классъ долженъ стать во главѣ освободительнаго движенія и громче и рѣшительнѣе всѣхъ другихъ борющихся отстаивать дѣйствительно прогрессивные интересы крестьянства. Крестьянство должно открыто поддержать политическую борьбу пролетаріата. Что же касается до связи между крестьянствомъ и пролетаріатомъ въ дѣлѣ борьбы за соціализмъ, то эта связь будетъ создаваться по мѣрѣ того, какъ все большія и большія массы раззоряемаго капитализмомъ крестьянства будутъ переходить на классовую точку зрѣнія пролетаріата и сознавать, что только соціалистическій переворотъ освободитъ ихъ отъ экономическаго рабства.

ВУЛЬГАРНЫЙ СОЦІАЛИЗМЪ И НАРОДНИЧЕСТВО, ВОСКРЕШАЕМЫЕ СОЦ.-РЕВОЛЮЦІОНЕРАМИ.

Насмѣшка оказываетъ свое полезное дѣйствіе. Въ статьяхъ подъ названіемъ „Революціонный авантюризмъ“ мы выразили твердую увѣренность, что наши соц.-рев. не пожелаютъ никогда прямо и точно опредѣлить свою теоретическую позицію. Чтобы опровергнуть сіе злостное и несправедливое предположеніе, „Рев. Россія“ начинаетъ въ № 11 серію статей подъ заглавіемъ „Програмные вопросы“. Въ добрый часъ! Лучше поздно, чѣмъ никогда. Заранѣе привѣтствуемъ всѣ статьи „Рев. Россіи“ о „программныхъ вопросахъ“ и обѣщаемъ внимательно слѣдить за тѣмъ, можно-ли въ самомъ дѣлѣ вычитать изъ нихъ какую-либо программу.

Присмотримся съ этой цѣлью къ первой статьѣ: „Классовая борьба въ деревнѣ“, но сначала замѣтимъ, что наши противники паки и паки черезчуръ... „увлекаются“, заявляя (№ 11, стр. 6) „наша программа выставлена“. Невѣрно вѣдь это, господа! Никакой еще вы программы не выставили, т. е. не только не дали законченнаго и оффиціально-партійнаго изложенія своихъ взглядовъ (программы въ узкомъ смыслѣ слова или хотя бы проекта программы), но и не опредѣлили даже вовсе своего отношенія къ такимъ основнымъ „программнымъ вопросамъ“, какъ вопросъ о марксизмѣ и его оппортунистической критикѣ, о русскомъ капитализмѣ и о положеніи, значеніи и задачахъ порождаемаго этимъ капитализмомъ пролетаріата и т. д. Все, что мы знаемъ о „вашей программѣ“, это то, что вы занимаете совершенно неопредѣленную позицію между революціонной соціалдемократіей и оппортунистическимъ теченіемъ, съ одной стороны, между русскимъ марксизмомъ и русскимъ либерально-народническимъ направленіемъ, съ другой.

Въ какія безъисходныя противорѣчія запутываетесь вы, вслѣдствіе этой потуги сѣсть между 2 стульевъ, это мы вамъ сейчасъ покажемъ и на выбранномъ вами вопросѣ. „Мы не то что не понимаемъ, мы не признаемъ принадлежности современнаго крестьянства, какъ цѣлаго, къ мелкобуржуазнымъ слоямъ“ — пишетъ „Револ. Россія“ (№ 11). „Для насъ крестьянство дѣлится на двѣ принципіально отличныя категоріи: 1) трудовое крестьянство, живущее эксплуатаціей собственной рабочей силы (!??) и 2) сельскую буржуазію, — среднюю и мелкую, — въ большей или меньшей степени живущую эксплуатаціей чужой рабочей силы“. Видя „основной отличительный признакъ“ класса буржуазіи въ „источникѣ дохода“ (пользованіе неоплаченнымъ трудомъ другихъ людей), теоретики соц.-рев. усматриваютъ „огромное принципіальное сходство“ между сельскимъ пролетаріатомъ и „самостоятельными земледѣльцами“, живущими приложеніемъ собственнаго труда къ средствамъ производства. „Основой существованія тѣхъ и другихъ является трудъ, какъ опредѣленная политико-экономическая категорія. Это разъ. Во-вторыхъ, тѣ и другіе въ современныхъ условіяхъ безжалостно эксплуатируются“. Они должны быть поэтому соединены въ одну категорію трудового крестьянства.“

Мы нарочно изложили разсужденіе „Рев. Рос.“ такъ подробно, чтобы читатель могъ хорошенько вдуматься въ него и оцѣнить его теоретическія посылки. Несостоятельность этихъ посылокъ бьетъ въ глаза. Искать основного отличительнаго признака различныхъ классовъ общества въ источникѣ дохода, значитъ выдвигать на первое мѣсто отношенія распредѣленія, которыя на самомъ дѣлѣ суть результатъ отношеній производства. Ошибку эту давно указалъ Марксъ, назвавшій не видящихъ ее людей вульгарными соціалистами. Основной признакъ различія между классами — ихъ мѣсто въ общественномъ производствѣ, а слѣдовательно, ихъ отношеніе къ средствамъ производства. Присвоеніе той или другой части общественныхъ средствъ производства и обращеніе ихъ на частное хозяйство, на хозяйство для продажи продукта — вотъ основное отличіе одного класса современнаго общества (буржуазіи) отъ пролетаріата, который лишенъ средствъ производства и продаетъ свою рабочую силу.

Пойдемъ дальше. „Основой существованія тѣхъ и другихъ является трудъ, какъ опредѣленная политико-экономическая категорія“. Опредѣленной политико-экономической категоріей является не трудъ, а лишь общественная форма труда, общественное устройство труда, или иначе: отношенія между людьми по участію ихъ въ общественномъ трудѣ. Въ другой формѣ здѣсь повторяется та же ошибка вульгарнаго соціализма, которую мы уже разобрали. Когда соц.-рев. заявляютъ: „Существо взаимныхъ отношеній между сельскимъ хозяиномъ и батракомъ, съ одной стороны, между самостоятельнымъ земледѣльцемъ и заимодавцами, кулаками, съ другой стороны, совершенно одинаково“, то они цѣликомъ повторяютъ ошибку хотя бы нѣмецкаго вульгарнаго соціализма, который, напр., въ лицѣ Мюльбергера, заявилъ, что существо отношеній хозяина къ рабочему то же, что домовладѣльца къ квартиранту. Наши Мюльбергеры точно также не способны выдѣлить основныхъ и производныхъ формъ эксплуатаціи, ограничиваясь декламаціей по поводу „эксплуатаціи“ вообще. Наши Мюльбергеры точно также не понимаютъ, что именно эксплуатація наемнаго труда является базисомъ всего современнаго грабительскаго строя, именно она вызываетъ дѣленіе общества на непримиримо-противоположные классы и только съ точки зрѣнія этой классовой борьбы можно послѣдовательно оцѣнить всѣ остальныя проявленія эксплуатаціи, не впадая въ расплывчатость и безпринципность. Наши Мюльбергеры, поэтому, должны встрѣтить со стороны русскихъ соціалистовъ, дорожащихъ цѣльностью своего движенія и „добрымъ именемъ“ своего революціоннаго знамени, такой же рѣшительный, безпощадный отпоръ, какой встрѣтилъ Мюльбергеръ нѣмецкій.

Чтобы яснѣе показать путанность „теоріи“ нашихъ соц.-рев., мы подойдемъ еще къ тому же вопросу съ практической стороны, попытаемся иллюстрировать разбираемый вопросъ конкретными примѣрами. Во-первыхъ, трудится и эксплуатируется вездѣ, всегда и повсюду громадное большинство мелкой буржуазіи. Почему бы иначе и относить ее къ переходнымъ и промежуточнымъ слоямъ? Во вторыхъ, совершенно также, какъ крестьяне въ обществѣ товарнаго хозяйства, трудятся и эксплуатируются мелкіе ремесленники и торговцы. Не хотятъ-ли наши соц.-рев. создать также „категорію“ „трудового“ торгово-промышленнаго населенія вмѣсто „узкой“ категоріи пролетаріата? Въ третьихъ, пусть попробуютъ соц.-рев., чтобы понять значеніе столь нелюбимой ими „догмы“, представить себѣ подгороднаго крестьянина, который, не нанимая рабочихъ, живетъ своимъ трудомъ и продажей всякихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Смѣемъ надѣяться, что отрицать принадлежность такого крестьянина къ мелкой буржуазіи и невозможность „объединить“ его въ одинъ классъ (замѣтьте, рѣчь идетъ именно о классѣ, а не о партіи) съ наемнымъ рабочимъ, не рѣшатся даже ярые народники. А есть-ли какая нибудь принципіальная разница въ положеніи подгороднаго торгаша-земледѣльца и всякаго мелкаго земледѣльца въ обществѣ развивающагося товарнаго хозяйства?

Спрашивается теперь, чѣмъ объяснить это приближеніе (мягко выражаясь) г.г. соц.-рев. къ вульгарному соціализму? Можетъ быть, это случайная особенность даннаго автора? Чтобы опровергнуть такое предположеніе, достаточно привести слѣдующее мѣсто изъ № 11 „Рев. Рос.“ „Какъ будто — восклицаетъ авторъ — здѣсь все дѣло въ размѣрахъ одной и той же хозяйственной категоріи“ (крупный и мелкій буржуа) „а не въ принципіальномъ различіи“ (слушайте!) „двухъ категорій: трудового и буржуазно-капиталистическаго хозяйства“! Намъ трудно было бы и представить себѣ болѣе полное и наглядное подтвержденіе сказаннаго нами въ статьѣ „Револ. Авантюризмъ“: поскребите соц.-рев. и вы найдете г. В. В. Для всякаго, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ эволюціей русской общественно-политической мысли, позиція соц.-рев. выясняется изъ одной этой фразы. Извѣстно, что основой того блѣдно-розоваго квази-соціализма, который украшалъ собой (да и сейчасъ еще украшаетъ) господствующее въ нашемъ образованномъ обществѣ либерально-народническое направленіе, лежала идея о діаметральной противоположности крестьянскаго „трудового хозяйства“ и буржуазнаго хозяйства. Эта идея, въ разныхъ оттѣнкахъ ея подробно разработанная г.г. Михайловскимъ, В. В., Ник.—ономъ и др., была одной изъ тѣхъ твердынь, противъ которыхъ направилась критика русскаго марксизма. Чтобы помочь разоряемому и угнетаемому крестьянству, говорили мы, надо умѣть отказаться отъ иллюзій и прямо взглянуть на дѣйствительность, разрушающую туманныя мечты о трудовомъ хозяйствѣ (или „народномъ производствѣ“?) и показывающую намъ мелко-буржуазный укладъ крестьянскаго хозяйства. И у насъ, какъ и вездѣ, развитіе и упроченіе мелкаго трудового хозяйства возможно лишь путемъ превращенія его въ мелко-буржуазное хозяйство. Это превращеніе, дѣйствительно, происходитъ и настоящая реальная тенденція трудового крестьянина къ мелкому предпринимательству неопровержимо доказана фактами жизни. Какъ и всякіе мелкіе производители, наши крестьяне тѣмъ самымъ подходятъ подъ категорію мелкихъ буржуа, поскольку развивается товарное хозяйство: они раскалываются на меньшинство предпринимателей и массу пролетаріата, который связанъ съ „хозяйчиками“ цѣлымъ рядомъ переходныхъ ступеней полу-рабочихъ и полу-хозяевъ (эти переходныя формы существуютъ во всѣхъ капиталистическихъ странахъ и во всѣхъ отрасляхъ промышленности).

Какъ же отнеслись соц.-револ. къ этой смѣнѣ двухъ теченій соціалистической мысли, къ борьбѣ стараго русскаго соціализма и марксизма? Они просто на просто пытались уклоняться, покуда можно было, отъ разбора вопроса по существу. А когда уклоняться уже стало нельзя, когда отъ людей, пожелавшихъ создать особую „партію“, потребовали опредѣленныхъ объясненій, когда ихъ принудили къ отвѣту, принудили и насмѣшкой и прямымъ обвиненіемъ въ безпринципности, — тогда они только и стали повторять старую народническую теорію „трудового хозяйства“ и старыя ошибки вульгарнаго соціализма. Повторяемъ: лучшаго подтвержденія нашего обвиненія соц.-револ. въ полной безпринципности, какъ статья въ № 11, пытающаяся „соединить“ и теорію „трудового хозяйства“, и теорію классовой борьбы, — мы не могли и ждать.

* * *

Какъ курьезъ, отмѣтимъ еще, что въ № 11 „Рев. Рос“. дѣлаются попытки „благовидно“ объяснить рѣшеніе уклониться отъ принципіальной полемики. Въ статьѣ „Рев. авантюризмъ“ „Искра,“ видите-ли, невѣрно цитируетъ. Напримѣръ? Напримѣръ, опускаетъ слово „мѣстами“ (земля мѣстами перетекаетъ отъ капитала къ труду). Какой ужасъ! Опускаютъ не относящееся къ дѣлу слово! Или, можетъ быть, „Рев. Рос.“, вздумаетъ утверждать, что къ вопросу объ оцѣнкѣ перетеканія земли вообще (буржуазный это процессъ, или нѣтъ) хоть какое-либо отношеніе имѣетъ слово „мѣстами“. Пусть попробуетъ.

Далѣе. „Искра“ прекратила цитату на словѣ „государствомъ“, хотя дальше стоитъ „конечно, не нынѣшнимъ“. „Искра“ поступила даже еще злѣе (добавимъ отъ себя): она дерзнула назвать это государство классовымъ. Не станутъ-ли наши „обиженные въ лучшихъ чувствахъ“ противники утверждать, что въ разбираемой нами „программѣ-минимумъ“ рѣчь могла идти не о классовомъ государствѣ?

Наконецъ „Искра“ цитировала прокламацію 3 апр., въ которой сама „Рев. Россія“ нашла оцѣнку террора преувеличенной“. — Да, и мы привели эту оговорку „Рев. Рос.“, но добавили отъ себя, что видимъ тутъ „эквилибристику“ и неясные намеки. „Рев. Рос.“ этимъ очень не довольна и пускается въ объясненія и сообщеніе подробностей (подтверждая, такимъ образомъ, на дѣлѣ, что неясность, требующая объясненій, была). И каковы же эти объясненія? Въ прокламаціи 3 апр. были, видите-ли, сдѣланы поправки по требованію партіи. Эти поправки, однако, „были признаны недостаточными“, и потому слова „отъ партіи“ изъ прокламаціи были удалены. Но слова „изданіе партіи“ остались, и другая („настоящая“) прокламація отъ того же 3 апр. ни слова о разногласіяхъ или преувеличеніяхъ не упомянула. Приводя эти объясненія и чувствуя, что они только подтверждаютъ законность, предъявляемаго „Иск.“ (въ словахъ: эквилибристика и намеки) требованія объясненій, „Рев. Рос.“ сама задаетъ себѣ вопросъ: какъ партія могла издать въ своей типографіи прокламацію, съ которой она несогласна? Отвѣтъ „Рев. Россіи“ гласитъ: „Да совершенно такъ же, какъ подъ фирмой Рос. С.-Д. Раб. Партіи печатается Р. Дѣло, Искра, Р. Мысль и Борьба“. Очень хорошо. Но, во первыхъ, у насъ разнородныя изданія и печатаются не въ типографіи „партіи“, а въ типографіяхъ группъ. Во-вторыхъ, когда у насъ выходили „Р. Мысль“ и „Р. Д.“ и „Искра“ вмѣстѣ, мы это сами же и называли разбродомъ. Посмотрите же, что отсюда выходитъ: соц.-демократія сама вскрываетъ и бичуетъ разбродъ у себя и старается его устранить серьезной теоретической работой, а соц.-рев. начинаютъ признавать свой разбродъ лишь послѣ того, какъ ихъ изобличатъ, и лишній разъ по этому случаю щеголяютъ своей широтой, позволившей имъ по поводу одного и того же политическаго событія издать въ одинъ и тотъ же день двѣ прокламаціи, въ которыхъ политическое значеніе этого событія (новаго террористическаго акта) толкуется прямо противоположно. — Зная, что изъ идейнаго разброда ничего добраго не выйдетъ, соц.-дем. предпочли „сначала размежеваться, а потомъ объединяться“, обезпечивая этимъ будущему объединенію и прочность, и плодотворность. А соц.-рев., толкуя свою „программу“ на разные лады „кто во что гораздъ“*), играютъ въ фикцію „практическаго“ единства и свысока заявляютъ намъ: это у васъ только, у соц.-демократовъ, разныя тамъ „группы“, у насъ же — Партія! Совершенно вѣрно, господа, но исторія учитъ насъ, что иногда отношеніе между „группами“ и партіями бываетъ подобно отношенію между тощими и тучными фараоновыми коровами. Разныя вѣдь бываютъ „партіи“. Была, напр., „Рабочая партія политич. освоб. Россіи“, а, между тѣмъ, ея двухъгодичное существованіе прошло столь же безслѣдно, какъ и ея исчезновеніе.

„ИСТОРІЯ ПОВТОРЯЕТСЯ“.

Органъ еврейскаго „Бунда“, „Голосъ Рабочихъ“ („Arbeiterstimme“), недоволенъ передовой статьей 22 № „Искры“. Въ № 28 этого органа напечатана статья, гдѣ насъ, между прочимъ, сравниваютъ съ талмудистами.

Приведя изъ указанной статьи нашей тѣ строки, гдѣ говорится, что полицейскія расправы съ участниками майскихъ демонстрацій вопіютъ о мщеніи, и указавъ, съ другой стороны, на то, что, по нашему мнѣнію, только полное политическое освобожденіе Россіи можетъ явиться достойной местью за всѣ притѣсненія и за всѣ униженія, испытываемыя русскими пролетаріями, „Гол. Раб.“ замѣчаетъ: „это значитъ говорить языкомъ талмудиста, который учитъ, что Илья-пророкъ дастъ отвѣты на всѣ вопросы“.

Органъ „Бунда“ находитъ, какъ видно, что мы хотимъ отложить дѣло мести въ слишкомъ долгій ящикъ. Ему кажется, что, это дѣло не терпитъ отлагательствъ. Онъ не хочетъ ждать. Онъ хочетъ немедленнаго отмщенія.

Такой мести хочетъ не только „Гол. Раб.“ Подъ вліяніемъ новой тактики борющагося за свое существованіе правительства у насъ теперь очень быстро растетъ число тѣхъ людей, которые ждать отнюдь не согласны и которые именно поэтому готовы упрекать насъ не только въ талмудизмѣ, но и въ еще гораздо болѣе тяжкихъ прегрѣшеніяхъ. Иные доходятъ до того, что, повидимому, искренно считаютъ насъ... реакціонерами. Мы говоримъ не шутя и, если понадобится, докажемъ это ссылками на нѣкоторыя, недавно вышедшія, произведенія печати.

Что отвѣтимъ мы на нападки этихъ людей?

Мы скажемъ имъ такъ:

Вы не можете ждать? Слабонервные трусы, вы должны терпѣть, пока не съумѣли вооружиться, не съумѣли внушить довѣріе народу! Вы не хотите ждать? Вы не хотите?. Право? Такъ изъ-за вашего революціоннаго зуда, изъ-за вашей барской революціонной фантазіи вы бросите на карту будущность народа? Года черезъ два народъ могъ бы побѣдить; но вотъ, видите-ли, русской революціонной молодежи не втерпежъ. Надо сейчасъ, сію минуту... Нѣтъ, если бы самыя скептическія мнѣнія о васъ были вѣрны, я все-таки не вѣрю въ существованіе революціонной партіи, которая не хочетъ, не можетъ ждать минуты, когда побѣда будетъ возможна, когда побѣда будетъ вѣроятна. Только за народъ, только съ народомъ имѣете вы право идти въ бой...

Какъ вамъ нравится наша отповѣдь, читатель? Навѣрное, совсѣмъ не нравится. Да мало того, что не нравится — мы видимъ внутреннимъ окомъ, какъ вы, прочитавъ слова: „слабонервные трусы“, судорожно сжимаете въ рукѣ нашу газету, а дойдя до словъ: „революціонный зудъ, барская революціонная фантазія“, съ негодованіемъ бросаете эту бѣдную газету на полъ и бѣжите составлять „протестъ“, стараясь присоединить къ себѣ какого-нибудь „объединеннаго“ соціаль-демократа, алчущаго попасть въ „трясину популярности“, и повторяя всѣмъ и каждому направо и налѣво, что „Искра“ полемизируетъ не по-товарищески, что она перешла всѣ предѣлы, что она посылаетъ своимъ противникамъ оскорбленія, безпримѣрныя въ исторіи нашей революціонной печати, что она и т. д. и т. д. и т. д. и пр. и пр. и пр. Мы заранѣе знаемъ, что вашъ „протестъ“ будетъ краснорѣчивъ и благороденъ, но прежде, чѣмъ вы возьметесь за перо для его составленія, обратите вниманіе вотъ на какое, далеко не маловажное обстоятельство.

Строки, вызвавшія ваше благородное негодованіе, отъ словъ: „вы не можете“ включительно до словъ: „идти въ бой“, принадлежатъ не намъ. Они взяты нами изъ брошюры П. Л. Лаврова „Русской соціально-революціонной молодежи“, вышедшей въ 1874 г. въ Лондонѣ. Мы только по разсѣянности забыли поставить нашу цитату во вносные знаки. Стало быть, если вы опубликуете вашъ протестъ, то онъ окажется направленнымъ противъ редактора „Впередъ“ и „Вѣстника Народной Воли“, и всѣ ваши обвиненія пойдутъ по его адресу. А это, пожалуй, вызоветъ неудовольствіе „Революціонной Россіи“, которая, если мы не ошибаемся, считаетъ себя состоящей въ нѣкоторомъ духовномъ родствѣ съ покойнымъ*). А что, если „Революціонная Россія“ напишетъ протестъ противъ вашего протеста, при чемъ тоже присогласитъ какихъ-нибудь захудалыхъ соціаль-демократовъ? Вѣдь тогда пойдетъ совсѣмъ уже нелѣпая неразбериха. Такъ ужъ не лучше-ли вамъ оставить всякую мысль о протестѣ? Не лучше-ли вамъ сдѣлать видъ, что протестовать вы даже и не собирались? Что строки, взятыя нами у Лаврова, васъ ни мало не возмущали, и что въ просакъ вы ни на одну секунду не попадали? Право же, это будетъ много превосходнѣе, тѣмъ болѣе, что всѣ эти „протесты“ подчасъ являются не чѣмъ инымъ, какъ замаскированнымъ покушеніемъ на свободу революціонной печати, попыткой зажать ротъ противнику.

А теперь сядемъ рядкомъ да потолкуемъ ладкомъ все о той же, не отмѣченной вносными знаками, цитатѣ.

Какъ царь Алексѣй Михайловичъ пользуется славой „тишайшаго“ царя, такъ и П. Л. Лавровъ имѣетъ репутацію „тишайшаго“ писателя. Но какъ Ал. Михайл., при всей своей „тихости“ иногда очень круто расправлялся со своими боярами, такъ и П. Л. Лавровъ, при всей своей литературной кротости, умѣлъ очень рѣзко говорить о тѣхъ явленіяхъ въ нашемъ революціонномъ мірѣ, которыя казались ему вредными для революціоннаго дѣла. И замѣчательно, что хотя названная нами выше брошюра раздосадовала сторонниковъ Ткачева, — противъ котораго она и была направлена*), — но ни одного „протеста“ она не вызвала, никто не закатывалъ глазъ по ея поводу, никто не билъ себя въ грудь, и никто не кричалъ, что она содержитъ въ себѣ выраженія, безпримѣрныя по своей рѣзкости и т. д. и т. д. и проч. и пр. Почему это? Вы скажете, пожалуй, что рѣзкость Лаврова была вызвана рѣзкостью Ткачева, который вызвалъ его на полемику? Но это не объясненіе. Развѣ нельзя было протестовать противъ обоихъ? По нынѣшнему времени это, вѣроятно, такъ бы и было.

А кромѣ того, надо помнить еще и то, что цитированное нами (безъ вносныхъ знаковъ) мѣсто относилось у Лаврова не къ одному Ткачеву, а къ цѣлому теченію въ нашей революціонной средѣ, теченію, которое, разумѣется, нельзя было дѣлать отвѣтственнымъ за рѣзкость одного Ткачева. Въ чемъ же дѣло? Почему же тогда никто не протестовалъ? Ужъ не потому-ли, что „слабонервные“ люди были тогда не столь слабонервны, какъ теперь?

Но какъ бы тамъ ни было, а это — вопросъ, не лишенный интереса. Главнымъ образомъ въ виду этого интереса мы и процитировали брошюру П. Л. Лаврова. Пусть не думаютъ наши товарищи изъ „Гол. Раб.“, что мы хотѣли примѣнить къ нимъ рѣзкія выраженія брошюры. Совсѣмъ нѣтъ. Мы хотѣли только поставить имъ на видъ то мнѣніе ея автора, что бываютъ обстоятельства, когда революціонеры нравственно обязаны подчинять свое нетерпѣніе доводамъ разсудка, оцѣнивающаго дѣйствія отдѣльныхъ лицъ и всей партіи съ точки зрѣнія цѣлесообразности, и когда нежеланіе „ждать“ является преступнымъ. Редакція „Гол. Рабочихъ“ какъ будто позабыла объ этомъ.

Позабыла она также и о томъ, что месть мести — рознь. Она несогласна съ тѣмъ, что только полное политическое освобожденіе Россіи достойнымъ образомъ отомститъ за всѣ униженія и притѣсненія, выпавшія на долю русскихъ пролетаріевъ. Но, не соглашаясь съ нами въ этомъ случаѣ, она возстаетъ противъ совершенно очевидной истины. Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ идетъ рѣчь? О притѣсненіяхъ и угнетеніяхъ, испытываемыхъ русскими пролетаріями отъ нынѣшняго политическаго порядка. Этимъ угнетеніямъ и притѣсненіямъ нѣтъ числа, потому что они падаютъ на головы русскихъ пролетаріевъ рѣшительно на всѣхъ шагахъ ихъ тяжелой жизни: въ шахтахъ и на фабрикахъ, на поляхъ и на дорогахъ, въ тюрьмахъ и острогахъ. Неужели редакція „Голоса Раб.“ думаетъ, что за эти униженія и оскорбленія можно отомстить нѣсколькими „террористическими“ пулями или нѣсколькими взрывами нѣсколькихъ пудовъ динамита? Думать такъ было бы верхомъ наивности; думать такъ значило бы покинуть не только точку зрѣнія рабочаго класса, но и вообще точку зрѣнія политической борьбы противъ даннаго политическаго порядка, и встать на точку зрѣнія личной мести отдѣльнымъ представителямъ этой системы. Такая месть есть все, что угодно, но только совсѣмъ не политическая борьба.

Наконецъ, позабыла редакція „Гол. Раб.“ еще и о томъ, что соц.-демократамъ не пристала та логика, которую Энгельсъ, вслѣдъ за Гегелемъ, называлъ метафизической, и которая характеризуется формулой: „или — или“. Людямъ, придерживающимся этой логики, дѣло представляется очень просто: или полная, окончательная побѣда надъ правительствомъ, или полная невозможность отомстить ему за испытанныя отъ него обиды. Марксисты же, стоящіе на діалектической точкѣ зрѣнія, знаютъ, что борьба за политическое освобожденіе страны есть длинный процессъ, въ продолженіе котораго революціонеровъ ожидаетъ цѣлый рядъ частичныхъ побѣдъ надъ ихъ смертельнымъ врагомъ, побѣдъ, несущихъ съ собою, слѣдовательно, и мщеніе. Съ этой точки зрѣнія месть вовсе не представляется отложенной въ долгій ящикъ: нѣтъ, къ отмщенію надо приступить сейчасъ, немедленно, не теряя ни минуты и — какъ мы сказали въ своей статьѣ — не считая себя въ правѣ хоть немного успокоиться до тѣхъ поръ, пока обида не отомщена. Но, конечно, и тутъ остается нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, что понимать подъ местью. На этотъ вопросъ нѣтъ безспорнаго отвѣта. Все зависитъ здѣсь отъ степени нравственнаго и политическаго развитія отвѣчающаго: для одного лучшая, — наиболѣе „достойная“, — месть заключается въ успѣхѣ того дѣла, изъ-за котораго онъ и его близкіе подвергаются оскорбленіямъ; другой, будучи оскорбленъ, забываетъ о дѣлѣ и думаетъ только о томъ, какъ бы наказать лицо, нанесшее оскорбленіе. Различные люди мстятъ различно. Но не трудно видѣть, какой родъ мести выгоднѣе для дѣла. Возьмемъ хоть разсужденія „Гол. Рабочихъ“. Правительство, устами Зубатова, говоритъ: „я васъ толкну на терроръ и потомъ раздавлю“. Чтобы добиться этой цѣли, оно оскорбляетъ революціонеровъ. А революціонеры, будучи оскорблены, говорятъ устами „Голоса Рабочаго“: „выступимъ же на путь террора!“ Не ясно-ли, что такой мести правительство не убоится?

Мы не сомнѣваемся въ томъ, что у редакціи „Гол. Рабочихъ“ очень хорошія намѣренія. Но ея логика въ данномъ спорѣ слаба, такъ слаба, что надъ ней, навѣрно, очень посмѣялись бы даже талмудисты, если бы дали себѣ трудъ ознакомиться съ нею.

ВСЕ О ТОМЪ-ЖЕ.

Въ № 5 гектографированнаго изданія „Впередъ“, помѣченнаго „Петербургъ, 15 сентября 1902 г.“ и подписаннаго буквами С.-Р. (соц.-революціонеры?), мы — среди всякихъ восхваленій политическаго террора — прочли слѣд. строки:

„...За 1901-2 годъ было семь террористическихъ покушеній: на Боголѣпова, Побѣдоносцева, два на Трепова, на Сипягина, Валя и Оболенскаго. Изъ этихъ дѣлъ послѣднее только произведено „боевой организаціей“. Остальныя шесть — личныя дѣйствія отдѣльныхъ лицъ. Эти шесть покушеній (сюда входятъ оба удавшихся [т. е., покушенія Карповича и Балмашева. Ред.]) — выраженіе общественнаго настроенія, выраженіе негодованія на существующій порядокъ и дѣйствія властей. Болѣе чуткіе, болѣе горячіе люди не могутъ жить въ существующихъ условіяхъ и смотрѣть равнодушно на всѣ безобразія русской дѣйствительности. Имъ душно жить, нечѣмъ дышать, а потому, умирая, терять нечего. Они берутъ револьверъ и идутъ убивать враговъ народа...“ Далѣе говорится: „Предположимъ, что Зубатовъ поймалъ всѣхъ членовъ „боевой организаціи“ и что вы, г. Плеве, всѣхъ ихъ уже повѣсили. Чего вы достигнете этимъ? За время погони вашей за „боевой организаціей“ жизнь выставитъ рядъ Карповичей, Балмашевыхъ, Леккертовъ, дѣйствую щихъ въ одиночку [Курсивъ вездѣ нашъ. Ред.], смѣло и рѣшительно“.

---

*) Сравните только „Наши задачи“ бывшаго „Союза соц.-рев.“ съ „Манифестомъ“ бывшей „Партіи соц.-рев.“ (о немъ въ № 6 „Искры“), затѣмъ съ редак. заявленіемъ № 1 „Вѣст. Р. Рев.“ съ „программными“ статьями №№ 7-11 „Рев. Рос.“ и съ брошюрой „Свобода“, изданной такъ наз. „Раб. партіей политич. освобож. Россіи“, о соединеніи которой съ партіей соц.-рев. недавно сообщено въ „Рев. Россіи“.

*) Сторонниковъ Ткачева она не могла не раздосадовать, такъ какъ, независимо отъ рѣзкихъ мѣстъ, подобныхъ вышеприведенному, она въ заключеніе рисовала черной краской тотъ путь, на который послѣдователи Ткачева звали нашихъ революціонеровъ. „Это путь агитаціи безъ опредѣленной цѣли, безъ опредѣленной программы, — писалъ П. Л. Лавровъ. — путь, на которомъ всѣ интриганы, всѣ честолюбцы обманывали своихъ приверженцевъ“ и т. д. (стр. 60). Не правда-ли, читатель, это значительно рѣзче знакомаго вамъ термина „революціонный авантюризмъ“, столь сильно разстроившаго нервы нѣкорыхъ слабонервныхъ людей нашего времени?

Изъ этихъ строкъ читатель можетъ видѣть, что террористическій кружокъ, издающій „Впередъ“, считаетъ выстрѣлъ Балмашева дѣломъ единоличнаго его рѣшенія, возникшаго, какъ выраженіе „общественнаго настроенія“. Онъ говоритъ то же самое, что сказали мы въ передовой статьѣ № 20 „Искры“. Мы только ближе опредѣлили это „общественное настроеніе“, какъ настроеніе передовой части вовлеченнаго въ борьбу съ правительствомъ студенчества.

Рекомендуемъ „Рев. Рос.“ обрушиться на этихъ террористовъ, которые такъ „безпримѣрно“ дерзновенны, что до сихъ поръ, вопреки всѣмъ заявленіямъ боевой организаціи, смѣютъ свое сужденіе имѣть, смѣютъ считать и называть убійство Сипягина единоличнымъ актомъ, выраженіемъ общественнаго настроенія, не болѣе того!

Наше мнѣніе по этому вопросу составилось, какъ знаетъ читатель, совершенно независимо отъ мнѣнія новаго изданія „Впередъ“. „Рев. Россія“ мечетъ громы и молніи противъ насъ, приглашая всю Рос. С.-Д. Раб. Партію осудить „Искру“ за ея „дерзкія“ мнѣнія. Мы не сомнѣваемся, что наша партія, при первыхъ же шагахъ къ возстановленію ея дѣйствительнаго единства, займется вопросомъ о партіи соц.-рев. и разсмотритъ жалобу „Рев. Россіи“. Посмотримъ, удовлетворитъ-ли это разсмотрѣніе жалобщиковъ.

Отъ себя-же мы поставимъ „Р. Р.“ лишь такой вопросъ: не „безпримѣрно“-ли также въ исторіи русскаго революціоннаго движенія, что иностранные революціонеры вынуждены заговорить объ „игрушкѣ“ и „шумихѣ“ по поводу актовъ политическаго террора? О „Нар. Волѣ“ такъ не говорили. И не вызываетъ-ли крикливость сама собой сомнѣнія въ томъ, въ чемъ крикливо стараются увѣрить? Замѣтимъ при этомъ, что „Искра“ сдѣлала съ своей стороны все возможное, чтобы не дать публикѣ вложить персты въ эти столь некстати обнаружившіяся язвы нашего современнаго движенія. „Искра“ просто игнорировала противорѣчація очевидности заявленія „боевой организаціи“, какъ продолжаютъ ихъ до сихъ поръ игнорировать террористы изданія „Впередъ“. И только высокомѣрное заявленіе „боевой организаціи“, требовавшее, чтобы мы приняли „безъ разговоровъ“ ея объясненіе выстрѣла Балмашева, заставило насъ формулировать наши сомнѣнія.

Мы опасаемся, что „Рев. Рос.“ не сможетъ отвѣтить на поставленные ей выше вопросы. Вѣдь ей строго запрещено продолжать полемику съ нами — въ интересахъ благопристойности. Это запрещеніе исходитъ отъ Центр. Ком. Партіи Соц.-Рев., каковой Комитетъ этимъ самымъ актомъ проявилъ впервые свое существованіе*). Мы очень сожалѣемъ о судьбѣ нашего литературнаго коллеги, павшаго жертвой строгости Центр. Ком. Но, съ другой стороны, мы — признаться — немного завидуемъ ему. Центр. Ком. нашей собственной партіи (когда онъ будетъ созданъ), несомнѣнно, будетъ обладать меньшей проницательностью и не догадается „запретить“ намъ, бѣднымъ соц.-дем. публицистамъ, продолжать полемику, если намъ — отъ чего Боже сохрани? — случится въ ней... поскользнуться.

---

*) Общепартійныя прокламаціи соц.-рев. подписывались до сихъ поръ просто партіей. Ультиматумы правительству послѣ террористическихъ актовъ подписаны „боевой организаціей“. „Искра“ чувствуетъ себя безмѣрно польщенной: для борьбы съ ней партія примѣнила ту инстанцію, по отношенію къ которой является исполнительнымъ органомъ группа, уполномоченная послѣ покушеній „истину царямъ съ улыбкой говорить“.

КОМИТЕТЫ ОСОБАГО СОВѢЩАНІЯ.

(Отъ редакціи: намъ доставлено „письмо въ редакцію Искры“, за подписью А. и М. Авторы письма совершенно справедливо указываютъ, что соціаль-демократамъ „пора въ качествѣ полноправныхъ членовъ, принять участіе въ политической жизни страны“, что мы должны, поэтому, слѣдить за работой „Особыхъ Совѣщаній“, противопоставлять ихъ программѣ свою программу и развивать эту послѣднюю детальнѣе, внося ее въ агитацію среди массъ, примѣняя ее ко всѣмъ сторонамъ общественной и политической жизни, обращаясь, въ частности, съ мотивированными резолюціями къ комитетамъ Особаго Совѣщанія и т. д., и т. д. Мы приводимъ цѣликомъ ту часть письма, которая посвящена работѣ комитетовъ, позволяя себѣ опустить замѣчанія о партійной программѣ, ибо эти замѣчанія писаны, видимо, авторами до ознакомленія ихъ съ нашимъ проэктомъ программы.)

„Особое Совѣщаніе“ возникло, какъ извѣстно, вслѣдствіе того, что Министерство Финансовъ, являющееся у насъ одновременно и Министерствомъ Промышленности и Торговли, въ своемъ стараніи развить отечественную промышленность и упорядочить государственные финансы, несмотря на „магію“ г. Витте, уперлось какъ въ глухую стѣну, въ острую и все растущую нищету народа.

Развить производительныя силы страны, для этого создать крупное производство, густую желѣзнодорожную сѣть и металлическое денежное обращеніе — такова была экономическая программа Министерства Финансовъ въ теченіи послѣднихъ 15 л. Сосредоточивъ, какъ и подобаетъ бюрократическому Министерству, дѣло руководства промышленной жизнью страны въ своихъ рукахъ*), занятое грюндерствомъ, финансовой магіей и борьбой за убѣгавшее изъ страны золото**), Министерство Финансовъ было въ силахъ создать однако только иллюзію быстраго экономическаго развитія страны и цвѣтущихъ государственныхъ финансовъ, иллюзію, разбившуюся о ничтожную производительность общенароднаго труда. Такимъ образомъ возникло сознаніе необходимости обратить, наконецъ, вниманіе на развитіе производительности общенароднаго труда, а, слѣдовательно, кустарнаго производства и сельскаго хозяйства, какъ основного промысла массы населенія. Отсюда кустарный съѣздъ и, въ настоящее время, „Особое Совѣщаніе“ трехъ министровъ и нѣсколькихъ сановниковъ, снабженное чрезвычайными полномочіями и свидѣтельствующее, что, по сознанію самого правительства, дѣло серіозно, чтобы не сказать больше.

Для всякаго, а слѣдовательно и для иниціаторовъ Совѣщанія, должно быть ясно, что тотъ или другой уровень производительности народнаго труда есть сложный результатъ хозяйственныхъ, политическихъ и культурныхъ условій народной жизни; — что затронуть этотъ вопросъ — значитъ затронуть всѣ соціальныя и политическія проблемы современности, — а въ русскихъ условіяхъ, — прежде всего проблему самодержавія. Но это значитъ рубить сукъ, на которомъ сидишь. Отсюда — траги комическая попытка г.г. Витте и Сипягина, ограничить работу Совѣщанія сферой спеціально техническихъ вопросовъ и свести все дѣло къ разрѣшенію ряда мелкихъ задачъ: о сельскомъ кредитѣ, организаціи сельско-хоз. союзовъ, распространеніи сельско-хоз. умѣній и т. д. (Засѣданіе 2 февр.). Мотивировалось это предложеніе тѣмъ, что затрогивать вопросы общегосударственнаго значенія, хотя и связанные съ положеніемъ сельско-хоз. промышленности, значитъ нарушать прерогативы „вѣдомствъ“ и лишать разборы Совѣщанія дѣлового характера. Но такъ какъ совсѣмъ обойти эти вопросы явно невозможно, то предлагалось ограничиться по нимъ составленіемъ общихъ предположеній, представляемыхъ на благоусмотрѣніе государя. — Нѣкоторую оппозицію такая постановка дѣла встрѣтила уже въ самомъ Совѣщаніи: Ермоловъ указалъ на рядъ вопросовъ общегосударственнаго значенія, — исключительно экономическихъ, правда, — настолько тѣсно связанныхъ съ судьбами сельскаго хозяйства, что разработка ихъ совѣщаніемъ и обязательность выработанныхъ имъ руководящихъ началъ для „подлежащихъ вѣдомствъ“, — неизбѣжна.

Еще шире были раздвинуты рамки Совѣщанія въ губернскихъ и затѣмъ уѣздныхъ Комитетахъ. Здѣсь вопросы государственнаго значенія, — а изъ нихъ политическіе, — совершенно заслонили собой спеціальные сельскохозяйственно-техническіе; вмѣсто разработки узко спеціальной программы, составленной бывшимъ радикаломъ Ковалевскимъ, Комитеты принялись за пересмотръ всѣхъ устоевъ русской гражданской, политической и хозяйственной жизни, не касаясь, правда, центральнаго пункта — самодержавія. Оно для нихъ, видимо, — запретная область.

Потребность выйти изъ границъ, намѣченныхъ для работы Комитетовъ Совѣщаніемъ, была такъ сильна, такъ единодушно заявлена, такъ очевидна, наконецъ, что наше правительство, подъ непосредственнымъ давленіемъ многочисленныхъ запросовъ предсѣдателей Комитетовъ — губернаторовъ и предводителей дворянства; — увидѣло невозможность противиться теченію; послѣдовало высочайшее разрѣшеніе Комитетамъ касаться всѣхъ вопросовъ, связанныхъ, по мнѣнію ихъ, съ дѣломъ сельско-хоз. прогресса; это разрѣшеніе сопровождалось кучей жалкихъ словъ о тактѣ Комитетовъ, о довѣріи къ нимъ и надеждой, что они не злоупотребятъ этимъ довѣріемъ. — Невольно спрашиваешь себя — гдѣ мы? въ Россіи-ли? слыхано-ли, чтобы съ высоты престола говорили такимъ тономъ съ какимъ-ниб. Лохвицкимъ или Кобелякскимъ парламентомъ, составленнымъ изъ уѣздныхъ гласныхъ, крестьянъ, поповъ, учителей и прочей мелкоты, одна изъ секцій котораго засѣдаетъ подъ предсѣдательствомъ административно-ссыльнаго, г. Туганъ-Барановскаго?

Еще болѣе тяжелое пораженіе понесло Особое Совѣщаніе по вопросу о личномъ составѣ губернскихъ и уѣздныхъ Комитетовъ. Подъ тѣмъ предлогомъ, что Земство было опрошено о нуждахъ сельскаго хозяйства въ 1894 г., въ связи съ учрежденіемъ Министерства Земледѣлія, — а въ сущности потому, что Земство разсматривается, какъ оппозиціонный элементъ, — Совѣщаніе устранило его отъ новаго обсужденія вопроса и ввело въ Комитеты въ подавляющемъ количествѣ высшую провинціальную администрацію, предоставивъ предсѣдателямъ право приглашать къ участію освѣдомленныхъ лицъ, — этимъ гарантируется по мнѣнію Совѣщанія чиновно-дворянскій составъ Комитетовъ. Но уже въ губернскіе, а еще въ большемъ числѣ въ уѣздные Комитеты начали поступать заявленія о томъ, что устраненіе земскихъ учрежденій неправильно*). Заявленія эти имѣли только значеніе протестовъ и кое-гдѣ послужили основаніемъ для возбужденія ходатайствъ. Фактическое же участіе Земства въ лицѣ гласныхъ осуществилось окольнымъ путемъ. Въ цѣломъ рядѣ уѣздовъ, очевидно подъ вліяніемъ логики вещей и общественнаго мнѣнія, предсѣдатели Комитетовъ пригласили поголовно всѣхъ земскихъ гласныхъ, кромѣ того, членовъ экономическихъ совѣтовъ, народныхъ учителей, земскихъ агрономовъ, крестьянъ и др. Такимъ образомъ опредѣлился составъ провинціальныхъ Комитетовъ, оказавшійся, особенно въ уѣздахъ, не дворянско-чиновническимъ, а земскимъ въ широкомъ смыслѣ слова. При этомъ численный составъ уѣздныхъ Комитетовъ часто очень значителенъ: въ Суджанскомъ — 48 чел., въ Лохвицкомъ — 60 и т. д.

Такимъ-то образомъ, вопреки предположеніямъ Особаго Совѣщанія, Россія покрыта цѣлой сѣтью маленькихъ парламентовъ, обсуждающихъ, иногда гласно и публично, вопросы гражданскаго правопорядка и экономической политики.

Какія же идеи и тенденціи сказываются всего опредѣленнѣе?

Должно замѣтить, что работы Комитетовъ только что начаты и окончатся лишь въ началѣ будущаго года (срокъ окончанія продолженъ до 1 фев. 1903 г.) — вслѣдствіе этого пока можно говорить лишь объ общихъ принципахъ и тенденціяхъ Комитетовъ. Картина, тѣмъ не менѣе, получается внушительная.

Выше мы уже указали, что въ рядѣ Комитетовъ было заявлено о правѣ Земства принимать участіе въ обсужденіи вопросовъ, имѣющихъ общенародное значеніе. — Въ связи съ этимъ стоитъ требованіе расширить кругъ земской дѣятельности; сдѣлать ее и болѣе устойчивой и независимой отъ администраціи; дать Земству право періодическихъ съѣздовъ; выслушивать его мнѣнія о всякомъ законопроектѣ, затрогивающемъ мѣстные интересы, ранѣе внесенія его въ законодательное учрежденіе; увеличить земскій бюджетъ на счетъ государственныхъ суммъ (Костромской Комитетъ). Все это старыя требованія Земствъ, много разъ высказанныя и сводящіяся къ расширенію мѣстной автономіи и компетенціи. Но одно — ново: это — требованіе обязательной передачи на обсужденіе Земскихъ собраній всѣхъ законопроектовъ, имѣющихъ мѣстное значеніе. Но какіе же не имѣютъ его? Эта попытка Земствъ пріобрѣсти политическое значеніе должна быть отмѣчена.

Довольно опредѣленно и всеобще требованіе установленія одного общаго для всѣхъ гражданскаго правопорядка. Такъ, Темниковскій Комитетъ требуетъ поднятія личности крестьянина, а, слѣдовательно, уравненія его съ другими сословіями въ личныхъ и гражданскихъ правахъ, путемъ подчиненія общей админ. и общимъ судебнымъ установленіямъ; Костромской — указываетъ на необходимость ослабить общинную и административную опеку надъ крестьяниномъ; Суджанскій и Курскій — высказываются въ томъ же смыслѣ, что и Темниковскій.

---

*) Нормировка производства; концессіонная система разрѣшенія акціонерныхъ предпріятій и др.

**) Нашъ разсчетный балансъ въ 1899 г., несмотря на продажу заграницу процентныхъ бумагъ на сумму около 150 милліоновъ, склонялся въ пользу послѣдней и обусловилъ отливъ золота на 250 милліоновъ приблизительно; въ 1900 году по оффиціальнымъ даннымъ золотой запасъ уменьшился на 74,1 милліона, цифра несомнѣнно уменьшена. — Къ срединѣ 1901 г. золотой запасъ Государственнаго банка спустился до 694 мил., уменьшившись въ полтора года на 145 мил., въ то время какъ кредитное обращеніе возрасло на 61 мил. Явно, что золото утекаетъ изъ страны.

*) Такъ напр. въ Темниковскій, Лохвицкій, Костромской, Рузскій Комитеты. Рядомъ съ этимъ въ Орлѣ члены и предсѣдатели управъ нѣсколько разъ заявляли, что, не имѣя полномочій отъ земскихъ собраній, они отказываются смотрѣть на себя какъ на представителей земствъ и присутствуютъ въ Комитетѣ въ качествѣ частныхъ лицъ. Мотивировка достойная вниманія

ПРИЗНАКИ „БЕЗВЛАСТІЯ“ И „ПОЛИТИЧЕСКАГО РАЗЛОЖЕНІЯ“ РУССКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

(Письмо изъ Кіева.)

> Подоспѣло удобное время —
> И въ коммиссію мрачный доносъ
> На погибшее, блудное племя
> Въ три пріема доносчикъ принесъ.
> И вѣщалъ онъ властямъ предержащимъ:
> „Многолѣтній сей трудъ разсмотри
> И мечемъ правосудья разящимъ
> Буесловія гидру сотри!“ Некрасовъ.

Передъ нами чрезвычайно интересное литературное произведеніе: секретная докладная записка бывшаго кіевскаго цензора Б. М. Юзефовича „о мѣрахъ къ прекращенію студенческихъ волненій и безпорядковъ и къ возстановленію нарушеннаго ими нормальнаго теченія школьной академической жизни“. Эта записка издана въ количествѣ 25 экз., „вмѣсто рукописи“, и, какъ упорно у насъ говорятъ, на казенный счетъ; она разослана министрамъ, членамъ „Коммиссіи по пересмотру Университетскаго Устава“, засѣдающей теперь въ СПБ., и, само собою разумѣется, „повергнута къ стопамъ“.

Интересъ этой „записки“ заключается не въ проникающемъ ее беззастѣнчивомъ духѣ ничѣмъ не прикрытаго „негодяйства“. Съ этой стороны, личность г. Юзефовича черезчуръ извѣстна и, въ этомъ отношеніи ему, — автору утвержденнаго Боголѣповымъ проекта „Временныхъ правилъ“ о солдатчинѣ, — ничѣмъ никого не удивить. Пристрастіе у г. Юзефовича къ партизанской войнѣ съ внутреннимъ врагомъ, видимо, врожденное и перешло къ нему отъ его отца, обезславившаго себя мерзкимъ предательствомъ Костомарова и его друзей. Дѣятельность автора „записки“ также изобилуетъ подобнаго рода проявленіями вѣрноподданническихъ чувствъ. Такъ, хотя бы его недавній доносъ на директора Кіевской Конторы Государственнаго Банка, опальнаго профессора г. Афанасьева, показываетъ, какъ вѣренъ этотъ назойливый ретроградъ отцовскимъ завѣтамъ по части добровольнаго сыска. Пріѣхавъ въ прошломъ году въ Кіевъ и случайно попавъ на лекцію г. Афанасьева о Мирабо, г. Юзефовичъ телеграфировалъ немедленно Сипягину, что, по пріѣздѣ въ Кіевъ, онъ сразу наткнулся на призывъ къ революціи. Послѣдствіемъ этого доноса было запрещеніе г. Афанасьеву читать публичныя лекціи, отмѣненное лишь послѣ продолжительной переписки между министрами подъ вліяніемъ угрозъ г. Афанасьева оставить занимаемую имъ должность. Не брезгая мелкими доносами, г. Юзефовичъ занимается преимущественно писаніемъ доносовъ квалифицированныхъ, — докладныхъ записокъ, главнымъ образомъ, по университетскому вопросу. Судя по многочисленнымъ ссылкамъ въ настоящей „запискѣ“ на другія подобнаго же рода произведенія его пера, они посылаются въ надлежащія учрежденія не „въ три пріема“, а просто таки въ безчисленномъ количествѣ.

Однимъ словомъ, передъ нами характерная фигура профессіональнаго добровольца-доносчика, ярко очерченная Некрасовымъ:

> Зналъ я старца: въ душѣ его бѣдной
> Поселился паническій страхъ,
> Что погубитъ насъ Западъ зловредный.
> . . . .
> На журналы, на книги бросался,
> Съ карандашикомъ вѣчно въ рукахъ;
> Поясненья, „записки“, запросы
> Составлялъ трудолюбецъ-старикъ;
> Онъ на вывѣски даже доносы
> Сочинялъ, если не было книгъ.

Въ данной „запискѣ“ „трудолюбца-старика“ наше вниманіе останавливаетъ на себѣ, повторяемъ, не беззастѣнчивость взглядовъ ея автора. Несравненно интереснѣе тѣ цѣнныя признанія, которыя дѣлаются въ ней усерднымъ защитникомъ самодержавія относительно расшатанности самодержавнаго строя, свидѣтельствуя о его безотрадномъ взглядѣ на существующее положеніе дѣлъ. Эти признанія, исходящія изъ устъ вліятельнаго „прозорливаго“, по его собственному выраженію, и преданнаго самодержавію совѣтника, сами по себѣ являются симптомами разложенія и порчи правительственнаго механизма, расшатаннаго въ послѣдніе годы напоромъ живыхъ общественныхъ силъ, руководимыхъ въ борьбѣ съ правительствомъ русской соц.-демократіей. Положеніе вещей, по мнѣнію г. Юзефовича, очень серьезно:

„Болѣзнь, угрожающіе симптомы которой стали съ особенной силой проявляться въ послѣдніе годы минувшаго XIX столѣтія, съ тѣхъ поръ сдѣлала большіе успѣхи. Микробъ лжелиберализма, или, выражаясь по русски, свободомыслія, цѣлымъ столѣтіемъ раньше начавшій свою разрушительную работу въ Зап. Европѣ, вскорѣ перенесенъ былъ и къ намъ, а въ пореформенную эпоху нашелъ для себя благодарную почву въ нашей незрѣлой печати, въ нашихъ увлекающихся неразумнымъ милосердіемъ обновленныхъ судахъ, въ нашей близорукой педагогической практикѣ, въ нашемъ лицемѣрно-пристрастномъ народолюбіи и, подъ покровомъ благодушно настроеннаго правительства, нынѣ охватилъ почти весь государственный организмъ, оставивъ болѣе или менѣе нетронутыми весьма немногіе его органы“ (62 стр.).

Отмѣтивъ роль „зловреднаго Запада“, г. Юзефовичъ продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ: „Заразой охвачены почти всѣ органы государственнаго организма; разлагающій микробъ свободомыслія, эгалитаризма, атеистическихъ, анархическихъ и соціалистическихъ идей проникъ повсюду — въ школу, правящія учрежденія отъ сената до уѣздной канцеляріи включительно, въ печать, въ городскую и сельскую жизнь и даже, отчасти, въ среду нашего духовенства. Единственнымъ болѣе или менѣе здоровымъ органомъ можетъ считаться армія, въ которую, однако-же, зараза всѣми силами старается проникнуть“ (63 стр.).

...„Явленіе это очень серіозно, симптомы разложенія становятся все болѣе и болѣе угрожающими, и, если правительство не сознаетъ необходимости примѣнить къ больному государственному организму строжайшій гигіеническій режимъ и радикальную дезинфекцію, рекомендованную мною въ первой части записки, то организмъ можно считать погибшимъ — зараженіе крови и гангрена станутъ неизбѣжными“ (62 стр.). „Поняло-ли это правительство — не знаю, но если поняло, то не слишкомъ-ли поздно?!“ Вопросъ такъ и остается открытымъ.

Дѣлая такія откровенныя признанія въ секретной „запискѣ“, г. Юзефовичъ пуще всего боится, какъ бы взгляды, подобные высказаннымъ имъ, не сдѣлались общимъ достояніемъ и съ прискорбіемъ замѣчаетъ, что... „постоянныя колебанія, слишкомъ частая смѣна наказаній и милостей, заискивающія увѣщанія со стороны начальства и т. п. окончательно деморализовали эту сбитую съ толку молодежь и вселили въ нее не столько вѣру въ милосердіе и отеческое попеченіе о ней Верховной Власти, сколько убѣжденіе въ полномъ безвластіи и безволіи правительства“... убѣжденіе, добавимъ отъ себя, раздѣляемое и г. Юзефовичемъ, какъ это ясно видно, хотя бы изъ приведенныхъ выше мѣстъ его „записки“.

Что же такъ дезорганизовало наше правительство и привело его къ состоянію, столь близкому къ банкротству и столь краснорѣчиво описанному г. Юзефовичемъ?

По его мнѣнію, причинъ этому очень много: и „распространяемыя среди молодежи анархическія, соціалистическія и иныя антикультурныя ученія“, и „вліяніе незрѣлой антилиберальной печати“, и „неумѣренное благодушіе и долготерпѣніе Правительства“, и масса другихъ болѣе мелкихъ явленій... Одного только не примѣтилъ г. Юзефовичъ, это — вступленіе въ сознательную жизнь новаго общественнаго класса, способнаго бороться за свои политическія права, оживленіе въ силу этого общественной жизни, появленіе на очереди такихъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ съ исторической неизбѣжностью властно выдвигается общественнымъ развитіемъ страны и разрѣшить которые наше правительство не въ состояніи. Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ г. Юзефовичъ упоминаетъ иронически о „либеральномъ духѣ времени“, но рекомендуетъ правительству игнорировать его: ...„если мы будемъ въ данную весьма серьезную минуту считаться съ той фикціей, которая именуется духомъ времени, то это равносильно предоставленію государственнаго организма разрушительному дѣйствію разъѣдающихъ его силъ, ибо въ этомъ-то духѣ времени и заключается инфекціонная зараза, отъ которой мы такъ тщетно искали спасенія“ (стр. 64).

Упрекая правительство въ отсутствіи энергіи и рѣшительности и указывая при этомъ на англо-бурскую войну и германизацію Познани, г. Юзефовичъ рекомендуетъ ему взять примѣръ съ западно-европейскихъ правительствъ, „которыя систематически дѣйствуютъ въ духѣ намѣченныхъ ими программъ даже тогда, когда право не на ихъ сторонѣ“ (стр. 18; курс. г. Юзеф.).

⁂

Значеніе, придаваемое г. Юзефовичемъ „подпольной интригѣ“ въ дѣлѣ дезорганизаціи правительства такъ велико, что русскій соц.-демократъ, какъ единственный серьезный врагъ правительства, невольно долженъ почувствовать себя польщеннымъ при чтеніи „записки“. Особенно большое значеніе г. Юзефовичъ приписываетъ „тайной и явной пропагандѣ“ въ дѣлѣ подготовленія студенческаго движенія. Первоначальной причиной студенческихъ волненій является, по его мнѣнію, какъ мы уже упомянули выше, „распространеніе среди школьной молодежи анархистскихъ, соціалистическихъ и иныхъ антикультурныхъ ученій“.

„Люди прозорливые — пишетъ онъ — давно ужъ отмѣтили это прискорбное явленіе и не скрывали опасеній своихъ относительно неизбѣжныхъ послѣдствій такой пропаганды; но благожелательное и довѣрчивое правительство, опираясь на близорукое

Достойно вниманія совпаденіе требованій мѣстныхъ Комитетовъ съ требованіями, высказанными Кустарнымъ Съѣздомъ въ непропущенныхъ правительствомъ резолюціяхъ.

Единогласно и всеобще требованіе образованія для народа и освобожденія отъ стѣсненій и опеки культурно-просвѣтительной дѣятельности.

Многіе Комитеты высказались по вопросамъ общей экономической политики правительства, характеризуя ее какъ политику покровительства меньшинству, въ ущербъ интересамъ большинства; при этомъ выражалось желаніе, чтобы въ основу податной системы легъ принципъ подоходности, а таможенная политика не служила бы цѣлямъ охраненія крупной промышленности въ ущербъ потребителю.

Таковы общія руководящія начала. Что многими Комитетами они будутъ разработаны детально, не смотря на циркулярное сообщеніе Министра Финансовъ, помѣщенное въ № отъ 10 авг. „Правительственнаго Вѣстника“, — объ этомъ можно судить по тому, какъ они приступили къ работамъ. — Комитеты разбились на коммиссіи по группамъ сродныхъ вопросовъ; выработаны детальныя программы, заключающія, напр., въ Суджанскомъ Комитетѣ такіе пункты: § 4 — отсутствіе явочнаго порядка для коопераціи и союзовъ; § 15 — вопросъ о прессѣ, какъ общей, такъ и спеціальной; § 16 — о полномъ прекращеніи преслѣдованія сектантовъ; § 17 — о духовенствѣ и зависимости прихода отъ духовной Консисторіи и епархіальнаго начальства; § 20 — объ организаціи земскихъ учрежденій внѣ зависимости отъ сословныхъ соображеній; § 53 — рабочій вопросъ.

Земскимъ Экономическимъ Совѣтомъ внесено въ тотъ же Комитетъ предложеніе разработать вопросы: 1) объ устраненіи крестьянскаго малоземелья на основаніи заранѣе опредѣленной нормы земельнаго участка, необходимаго для существованія средней крестьянской семьи; 5) объ ограниченіи скопленія въ однихъ рукахъ участковъ подворнаго землевладѣнія; о правѣ крестьянъ самимъ избирать форму зелевладѣнія — общинную или подворную.

Не всѣ, конечно, Комитеты взглянули на дѣло съ надлежащей широтой. Напр., Меленковскій Комитетъ, Владимірской губ., въ составѣ предводителя дворянства, 20 земскихъ начальниковъ и 1 землевладѣльца рѣшилъ, что дѣло будетъ сдѣлано, если въ уѣздѣ будетъ не одно, а 10 сельско-хозяйственныхъ обществъ, каждое — съ инструкторомъ и субсидіей, — и если кровельное желѣзо подешевѣетъ. Но вѣдь и Россія перестала бы быть Россіей, если бы въ ней перевелись добрые люди и плохіе музыканты.

Теперь — вопросъ: эти требованія, зрѣющія теперь въ Комитетахъ и въ сознаніи русскаго общества, требованія, которыя рано или поздно осуществятся, — явятся-ли они достаточно полнымъ и достаточно соотвѣтствующимъ интересамъ соціаль-демократіи рѣшеніемъ поднятыхъ общественныхъ вопросовъ?

Съ увѣренностью можно сказать, что нѣтъ. — Вопросъ о самодержавіи едва-ли будетъ затронутъ, а, слѣдовательно, и вопросъ о гарантіяхъ того правопорядка, который признается желательнымъ и необходимымъ. Даже въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, въ какихъ онъ будетъ поставленъ, вопросъ объ избирательномъ правѣ и народномъ представительствѣ въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи едва-ли получитъ демократическое рѣшеніе. Объ этомъ говорятъ слѣдующіе признаки: и въ заявленіяхъ, сдѣланныхъ въ комитетахъ, и въ статьѣ „Отъ русскихъ конституціоналистовъ“, помѣщенной въ № 1 „Освобожденія“, говорится только о „безсословности“ представительныхъ учрежденій и нигдѣ о всеобщемъ и равномъ избирательномъ правѣ. Статья „Освобожденія“ мотивируетъ это свое воздержаніе нежеланіемъ дѣлить шкуру не убитаго еще медвѣдя, но оговаривается, что „болѣе подробное опредѣленіе избирательной системы будетъ предметомъ особаго обсужденія, при которомъ нельзя обойтись безъ техническихъ деталей и принципіальныхъ споровъ“. Мы хотѣли бы знать, что скрывается за этой оговоркой? Имущественнный-ли цензъ? и высокій? И при томъ множественность голосовъ?... Что это — первые-ли провозвѣстники грядущихъ притязаній россійской буржуазіи и предстоящей намъ классовой борьбы за участіе въ государственномъ управленіи, или только выраженіе недовѣрія къ голосованіямъ крестьянской безграмотной массы? Такъ или иначе, но съ этимъ партіи придется считаться; скрытымъ пока врагамъ демократіи должно быть показано, что ихъ намѣренія разгаданы, и соціаль-демократическая партія должна взять на себя веденіе кампаніи въ пользу всеобщаго и равнаго избирательнаго права, какъ для органовъ мѣстнаго самоуправленія, такъ и для парламента.

Требованіе уничтоженія опеки, общинной — для крестьянъ, и административной — для всѣхъ гражданъ и органовъ самоуправленія, есть наиболѣе скромная форма требованій элементарныхъ личныхъ и политическихъ правъ. Она потребуетъ, по всей вѣроятности, расширенія и углубленія. Особое вниманіе партіи долженъ привлечь вопросъ о союзахъ и о коалиціонномъ правѣ рабочихъ, какъ фабричныхъ, такъ и занятыхъ въ земледѣліи и отхожихъ промыслахъ. Вообше, интересы рабочихъ сельско-хозяйственной промышленности совершенно не представлены въ комитетахъ, а они, между тѣмъ, разнообразны и требуютъ усиленнаго вниманія, такъ какъ положеніе землелѣльческаго рабочаго до безконечности жалко и необезпечено. Явиться выразителемъ его нуждъ можетъ только соц.-демократія. А. и М.

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПРОЦЕССЫ.

Въ отдѣльной брошюрѣ мы помѣстили обвинительные акты по политическимъ процессамъ о демонстраціяхъ мая въ Нижнемъ Новгородѣ и Саратовѣ. Какъ оказывается, третій такой же процессъ возбужденъ противъ 14 рабочихъ Сормовскаго завода (Нижегор. губ.), участвовавшихъ въ демонстраціи въ день 1 мая въ Сормовѣ. Сормовскій и Нижегородскій процессы назначены къ слушанію въ концѣ октября. Саратовскій уже назначался къ слушанію, но былъ отложенъ.

Возобновленіе судебныхъ процессовъ противъ участниковъ политическихъ демонстрацій свидѣтельствуетъ о крайнемъ озлобленіи царскаго правительства. Послѣ безсмысленной попытки подавить проявленія революціи полицейскими розгами оно схватилось за старое орудіе — подтасованный судъ*). Мы увѣрены, что наши товарищи съ честью выдержатъ новое испытаніе ихъ политической зрѣлости и используютъ въ интересахъ партіи процедуру судебнаго процесса.

Не имѣя возможности привести цѣликомъ обвинительный актъ по Сормовскому дѣлу, мы ограничимся наиболѣе характерными моментами:

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

о крестьянинѣ слободы Кошелевки Елькинской вол. Нижегородскаго у. П. А. Заломовѣ 25 л., мѣщ. г. Лукоянова А. И. Быковѣ 22 л. и М. И. Быковѣ 24 л., горнозаводскомъ мастеровомъ Воткинскаго зав. Вяткой губ. Е. Г. Наумовѣ 25 л., крестьянинѣ села Сормово Балахнинск. у. П. Д. Дружкинѣ 26 л., крест. Н.-Сергинской вол. Красноуфимскаго у. Пермской г. Н. В. Фроловѣ 28 л., горнозаводскомъ раб. Воткинскаго зав. Вятской г. М. Е. Богатыревѣ 27 л., крестьян. с. Сормова Балахнинскаго у. А. П. Ляпинѣ (Буренкинѣ) 26 л., горнозаводскомъ мастеровомъ с. Выксы Ардатовскаго у. М И. Самылинѣ 24 л., горнозаводскомъ мастер. з. Дощатаго Меленковскаго у. Владимірской губ. И. Ф. Сутягинѣ 19 л., крестьян. с. Масловки Васильевскаго у. И. Д. Шибаевѣ 24 л., крестьян. с. Пиловальки Курмышскаго у. Симбирской губ. В. Н. Солдатовѣ 29 л., крестьянинѣ с. Козина Балахнинскаго у. А. П. Барановѣ 17 л. и крестьянинѣ с. Бахаревки Курмышскаго уѣзда Симбирской губ. Я. С. Полозовѣ 25 л., обвиняемыхъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 252 ст. Ул. о нак.

Въ концѣ 1901 г. въ с. Сормовѣ Балахнинскаго уѣзда и на Сормовскихъ заводахъ въ различное время были найдены преступныя воззванія, обращенныя къ рабочимъ. Съ наступленіемъ 1902 г. появленіе такихъ прокламацій возрасло и особенно усилилось въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Запрещенные листки, изданные типографскимъ способомъ или воспроизведенные посредствомъ мимеографа и гектографа, разбрасывались первоначально въ чертѣ заводовъ, между 5 и 6 час. утра, послѣ окончанія ночной работы, и мастеровые находили ихъ на станкахъ и въ ящикахъ. Заводскою администраціею и полиціею было учреждено неослабное наблюденіе за цехами, вслѣдствіе чего появленіе воззваній въ нихъ прекратилось, но было замѣчено въ Сормовскомъ поселкѣ, преимущественно въ тѣхъ улицахъ, которыя идутъ къ заводу. Не ограничиваясь этимъ, неизвѣстные злоумышленники расклеивали свои произведенія на стѣнахъ заборовъ и столбахъ. Такимъ образомъ, въ заводахъ и с. Сормовѣ было найдено: 27 ноября 1901 г. нѣсколько воззваній „Нижегородскаго Ком. С.-Дем. Раб. Партіи“, отъ 25 ноября „Къ вагоннымъ кузнецамъ“ съ приглашеніемъ заявить требованія о введеніи порядка повышеній и объявленій расцѣнокъ и вѣжливомъ съ рабочими обращеніи мастера, при чемъ указывалось, что путемъ массовыхъ забастовокъ и бунтовъ рабочіе добились изданія законовъ о штрафахъ, расцѣнкахъ и введеніи одиннадцатичасоваго рабочаго дня. Въ этомъ же воззваніи обращается вниманіе рабочихъ на то, что имъ нечего разсчитывать на поддержку со стороны губернскихъ властей. Тамъ же обнаружена 6, 7, 8 и 9 декабря „Нижегород. Рабочая Газ.“, № 1, 11 декабря воззваніе „Ко всѣмъ Сормовскимъ рабочимъ“, 22 и 23 декабря 38 экз. листка, озаглавленнаго „Ко всѣмъ нижегородскимъ рабочимъ“, 5 и 6 марта 1902 г. „Нижегородская Рабочая Газета, № 2“, 31 марта та же газета № 3 въ количествѣ болѣе тысячи экз., 11 апрѣля та же газета № 4, а 26 апрѣля № 5 той же газеты, съ заголовкомъ „Первое мая“*). Характеръ этихъ изданій постепенно видоизмѣнялся; авторы не ограничивались только экономическими требованіями, но призывали рабочихъ къ политическимъ демонстраціямъ, имѣющимъ конечною цѣлью ниспроверженіе существующаго порядка управленія. Почти всѣ листки заканчиваются требованіями: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ политическая свобода!“, „Да здравствуетъ восьмичасовый рабочій день!“ Кромѣ такихъ преступныхъ подстрекательствъ, въ нѣкоторыхъ изданіяхъ помѣщены пѣсни революціоннаго содержанія: — „Дружно, товарищи, въ ногу!“, „Бѣснуйтесь, тираны, глумитесь надъ нами!“ — Въ № 5, озаглавленномъ „Первое мая“, Нижегородскій Комитетъ Рос. С.-Д. Раб. Партіи, объясняя рабочимъ значеніе этого дня, приглашаетъ всѣхъ бросить работу, выходить на улицу и идти толпой съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ и съ красными знаменами, на которыхъ должны быть изображены перечисленныя выше дерзостныя восклицанія. Независимо отъ преступной пропаганды путемъ воззваній, на заводахъ стали распространяться слухи о готовящихся безпорядкахъ, при чемъ съ перваго января по первое мая назначались для таковыхъ тѣ или другіе дни. Всѣ описанныя дѣйствія злоумышленниковъ вызвали къ первому мая тревожное настроеніе среди рабочихъ, нѣкоторые изъ коихъ дня за три до этого числа получали приглашенія отъ своихъ товарищей, какъ напр., отъ крестьянина Алексѣя Быкова, бросить перваго мая работу. Совокупностью показаній свидѣтелей очевидцевъ (слѣдуютъ имена)... установлено, что перваго мая работы на заводѣ начались въ полномъ порядкѣ, послѣ 12 час. часть мастеровыхъ, согласно ихъ просьбѣ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ была освобождена отъ занятій, при чемъ на работахъ оставалось около 5400 чел. До двухъ часовъ дня въ Сормовѣ все было спокойно. Часу въ третьемъ на Большой улицѣ, по направленію отъ Дарьинскихъ выселковъ и Дарьинскаго лѣса стали появляться отдѣльныя группы рабочихъ, среди которыхъ слышались игра на гармоніяхъ, брань и пѣніе фабричныхъ пѣсенъ. Бывшій въ нарядѣ полицейскій надзиратель Высоцкій пытался остановить тѣхъ изъ упомянутыхъ лицъ, которые наиболѣе шумѣли, при чемъ обратилъ вниманіе, что крестьянинъ Егоръ Наумовъ, собравъ около себя толпу рабочихъ, шелъ по названной улицѣ, играя на гармоникѣ и особенно громко выкрикивая какую-то пѣсню. Въ другой группѣ выдѣлялся кр. Осипъ Матвѣичевъ, который, находясь въ нетрезвомъ состояніи, бранился и кричалъ. Вскорѣ онъ отдѣлился отъ своихъ товарищей, послѣ чего и былъ задержанъ. При обыскѣ у Матвѣичева оказалось въ карманѣ воззваніе „Ко всѣмъ русскимъ рабочимъ“, отпечатанное въ типографіи революціоннаго журнала „Искра“ и заключающее въ себѣ требованіе устроить перваго мая демонстрацію. Отдѣльныя группы рабочихъ соединялись между собой, толпа стала увеличиваться и настроеніе ея дѣлалось все болѣе и болѣе возбужденнымъ. Въ толпѣ начали раздаваться крики: „Долой царя! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода! Да здравствуетъ дружина соціалистовъ!“ Въ рукахъ и на палкахъ появились красные платки и, по показанію полицейскаго урядника Архипова, былъ выкинутъ красный флагъ съ какою-то надписью, которую онъ не могъ разобрать, такъ какъ въ него, свидѣтеля, бросили камнемъ. Флагъ этотъ то поднимался, то опускался, и Архиповъ въ числѣ стоявшихъ около него рабочихъ замѣтилъ мастероваго Михаила Самылина. Среди шумѣвшей

---

*) Авторъ передовой статьи въ № 9 „Освобожденія“ ошибочно думаетъ, что новые политическіе процессы являются первыми со времени дѣла Софьи Гинзбургъ (1890 г.), если не считать послѣднихъ дѣлъ о террористическихъ покушеніяхъ. Хотя изрѣдка, но политическіе процессы происходили во все время 90 годовъ, являясь, конечно, рѣдкими исключеніями, только подтверждавшими общее правило „административной“ расправы. Намъ извѣстно дѣло Качурихина и Архангельскаго въ Казани (1892 г.) о покушеніи на губернатора; дѣло „пролетаріатца“ Славинскаго въ 1892 г. въ Варшавѣ; дѣла вольноопредѣляющихся Виктора Вейнштока и Биндера — въ СПБ. и Варшавѣ въ 1893 г.; дѣла рабочихъ Грубецкого, Клепсателя, двухъ Карчмарекъ и Циммермана — въ Лодзи въ 1895 г. и, наконецъ, 3 дѣла объ убійствѣ шпіоновъ въ Польшѣ въ 1900 году.

*) Это говорится про „Листки Нижегородской Рабочей Газеты.“ Ихъ было 5 номеровъ.

общественное мнѣніе, къ несчастію, слишкомъ долго лелѣяло себя иллюзіями и приписывало студенческія волненія юношескимъ увлеченіямъ, духу товарищества, недовольству нѣкоторыми распорядками школьной жизни и даже безтактности властей и педагогическаго персонала“ (стр. 5).

Мѣры „предупрежденія и пресѣченія“, употребляемыя правительствомъ для борьбы съ „преступной пропагандой“, г. Юзефовичъ находитъ неудовлетворительными и недостаточными: „Какими путями проникаетъ въ Россію крамола, свившая себѣ въ Зап. Европѣ (опять „зловредный Западъ“!) прочныя гнѣзда, какими ловкими и искусными пріемами раскидываетъ она свои сѣти, — судить не берусь; но въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія, это въ томъ, что для борьбы съ ней правительство не располагаетъ ни удовлетворительно организованной силой, ни достаточными средствами. Какія тому причины, чѣмъ объяснить, что правительственная власть, затрачивающая сотни милліоновъ ежегодно на предупрежденіе возможныхъ въ будущемъ столкновеній съ врагомъ внѣшнимъ, въ то же время обнаруживаетъ столь преувеличенную бережливость(!?) въ дѣлѣ борьбы съ наличнымъ и несравненно болѣе опаснымъ врагомъ внутреннимъ, — все это вопросы, на которые человѣкъ посторонній, не посвященный во всѣ тайныя пружины правительственнаго механизма, отвѣтить не можетъ. Въ качествѣ такого посторонняго лица, могу засвидѣтельствовать только одно, что организація правительственнаго надзора не только за тайной, но даже за явной пропагандой настолько неудовлетворительна, что правительству какъ будто бы невѣдомы имена и факты, которые извѣстны всякому мало-мальски внимательному наблюдателю русской общественной жизни. Въ нашихъ среднихъ и высшихъ правительственныхъ школахъ, не исключая даже привилегированныхъ и военныхъ, не мало педагоговъ самаго сомнительнаго направленія, беззастѣнчиво вливающихъ ядъ зловредныхъ ученій въ умы и сердца русскаго юношества, и правительство не только терпитъ ихъ, но не дѣлаетъ никакого различія между ними и ихъ благонадежными сослуживцами, а нерѣдко даже, въ силу ихъ талантовъ и знаній, выдѣляетъ ихъ надъ этими послѣдними, вопреки неоспоримой истинѣ, что люди эти тѣмъ опаснѣе, чѣмъ обширнѣе ихъ педагогическія дарованія и научный авторитетъ...“ (стр. 8).

„Радикальное очищеніе нашихъ профессорскихъ кафедръ отъ опасныхъ элементовъ является насущнѣйшимъ вопросомъ нашей государственной педагогіи и должно вестись безпощадно, хотя бы для замѣщенія ихъ пришлось временно прибѣгнуть къ, можетъ быть, не вполнѣ желательному приглашенію профессоровъ изъ-за границы... Незнакомство иностранныхъ ученыхъ съ русскимъ языкомъ не имѣетъ значенія“ (стр. 8). Въ чемъ, въ чемъ, а въ безстрашіи мысли г. Юзефовичу отказать нельзя!

Не менѣе любопытны взгляды г. Юзефовича на значеніе „лжелиберальной печати“: „Для того, чтобы духъ анархіи и соціалистическія идеи могли водвориться въ средѣ учащейся молодежи, — необходимо было, чтобы къ тому исподволь была подготовлена почва. Эту-то задачу приняла на себя наша лжелиберальная печать“. Такимъ духомъ лжелиберализма, по мнѣнію г. Юзефовича, проникнута вся наша печать: — „гдѣ въ настоящее время тѣ органы, къ которымъ могъ бы обратиться серіозный публицистъ, желающій независимо и безпристрастно обсудить любой изъ животрепещущихъ вопросовъ, затрагивающихъ нашу внутреннюю политическую жизнь и волнующихъ наше общество. Не вооружившись краснымъ знаменемъ, онъ ни въ одинъ изъ мало-мальски распространенныхъ органовъ лжелиберальной печати проникнуть не можетъ; въ лагерѣ же, такъ называемой, консервативной печати, онъ находитъ лишь „Моск. Вѣдомости“ и „Гражданинъ“. Обѣ эти газеты не удовлетворяютъ г. Юзефовича: первая „въ усердіи своемъ нерѣдко заходитъ за предѣлы того, чему можетъ сочувствовать человѣкъ, независимый въ своихъ сужденіяхъ“, вторая „въ свою очередь представляетъ собою органъ личныхъ взглядовъ и убѣжденій его редактора и потому обращается лишь въ тѣсномъ кругу единомышленниковъ князя Мещерскаго“. „Есть еще весьма распространенная газета „Новое Время“, которая позируетъ на благонамѣренность, весьма, впрочемъ, дешевую: въ дѣйствительности же газета эта представляетъ собою работу дружно сплоченной группы публицистовъ, готовыхъ продать себя тому, кто дороже заплатитъ“... Это-ли не знаменіе времени? Даже нашъ „внимательный наблюдатель нашей общественной жизни“ бросаетъ современной „Чего-изволите?“ упрекъ въ продажности.

Виною такому „безотрадному положенію нашей прессы“, проникнутой „тлетворнымъ ядомъ лжелиберализма“, является, по мнѣнію г. Юзефовича, „узко-формальное отношеніе къ дѣлу“ цензоровъ, „пропускающихъ безъ вниманія ядовитѣйшія книги и статьи, въ которыхъ между строками проводятся самыя отрицательныя ученія, разжигается національная и сословная вражда; растлѣваются нравы и подрываются священнѣйшіе авторитеты вѣры, закона, семьи и правительственной власти“. Тутъ же г. Юзефовичъ проводитъ оригинальную мысль, что слабость цензуры является въ то же время и причиной упадка современной литературы и оскудѣнія ея талантами: ..„въ самый разгаръ мнимыхъ гоненій на русскую печать... строгая расцѣнка литературныхъ и публицистическихъ дарованій выдвинула цѣлую плеяду талантливѣйшихъ именъ, и первая половина XIX столѣтія не безъ основанія можетъ считаться самой блестящей эпохой въ русской литературѣ. Не то явила намъ вторая половина того же столѣтія... Данныя въ это время русской печати широкія вольности не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ: исчезли поименованные выше свѣточи русской литературы старой школы и оскудѣла вмѣстѣ съ ними русская печать. Подъ прикрытіемъ дарованныхъ вольностей на смѣну этихъ титановъ изъ всѣхъ щелей стали выползать литературныя букашки“... (стр. 11).

Итакъ, оживить русскую литературу можно, по мнѣнію г. Юзефовича, очень просто: стоитъ только усилить(?) цензуру и „подвергать ударамъ самой рѣшительной и настойчивой правительственной репрессіи...“ „все, что вноситъ въ жизнь духъ разлада и разложенія“. Кромѣ того, „трудолюбивый старикъ“ рекомендуетъ правительству оказать „матеріальную и нравственную поддержку“ — для изданія литературнаго органа — „Русскому Собранію“, вокругъ котораго сгруппировался кружокъ людей, искренно преданныхъ національной идеѣ, православію и принципу Самодержавія“...

Тогда, надо полагать, дѣло будетъ совсѣмъ въ шляпѣ!

⁂

Но особенно комичны упреки — „въ неумѣренномъ благодушіи и долготерпѣніи“, посылаемые г. Юзефовичемъ по адресу правительства. Ужъ оно-ли не старается?! Г-ну Юзефовичу все кажется мало: „къ сожалѣнію, такой недостатокъ рѣшительности и настойчивости со стороны правительственной власти до сихъ поръ обнаруживается не только къ вреднымъ тенденціямъ печати, но и въ сферѣ иныхъ прискорбныхъ явленій въ русской народной жизни. То же благодушіе и неумѣренное долготерпѣніе проявляло правительство и по отношенію къ длящимся нѣсколько лѣтъ школьнымъ волненіямъ и безпорядкамъ, чѣмъ нанесенъ значительный ущербъ русскому національному просвѣщенію, вообще, и личнымъ интересамъ большинства учащейся молодежи въ частности“ (стр. 17).

Недоволенъ г. Юзефовичъ и отсутствіемъ какой-либо опредѣленной системы въ дѣйствіяхъ правительства: „въ теченіи нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ мѣры строгости постоянно смѣнялись проявленіями Монаршаго Милосердія, къ которому лица, у власти стоящія, должны были бы прибѣгать съ гораздо большей осторожностью. Русскій народъ привыкъ къ тому, что всякое благо и милости изливаются съ высоты Престола, но потому-то именно со стороны ближайшихъ совѣтниковъ Царскихъ желательно, чтобы въ интересахъ законности и порядка они не обращали акты Царскаго Милосердія въ орудіе безнаказанности, влекущей за собой полную деморализацію въ средѣ кружковъ, преступившихъ законъ“. „Продолжительная безнаказанность привела къ тому еще, что школьные безпорядки вошли въ привычку, обратились въ явленіе заурядное; между тѣмъ, въ среду студенческой молодежи все чаще и свободнѣе стали проникать воззванія и листки возмутительнаго содержанія, радикально измѣнившіе самый характеръ волненій и придавшіе имъ небывалый прежде духъ политическихъ возмущеній“ (стр. 18). Упреки правительству въ бездѣятельности и „попустительствѣ“ „антикультурнымъ“ теченіямъ. Юзефовичъ заканчиваетъ совѣтомъ взять примѣръ съ Зап.-Европейскихъ правительствъ, систематически и настойчиво дѣйствующихъ „въ духѣ намѣченныхъ ими программъ даже тогда, когда право не на ихъ сторонѣ“.

Одними наставленіями общаго характера г. Юзефовичъ не ограничивается и предлагаетъ правительству „для оздоровленія государственнаго организма“ цѣлую программу практическихъ мѣропріятій, понятно, репрессивнаго свойства. Первымъ по важности онъ считаетъ: „значительное усиленіе рабочихъ силъ и матеріальныхъ средствъ нашей политической полиціи и организація полицейскихъ агентуръ соотвѣтственно современнымъ условіямъ борьбы съ анархіей и политическими лжеученіями“. Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ совѣтовъ, наложенныхъ въ 22 пунктахъ и непосредственно вытекающихъ изъ общихъ положеній его „записки“.

Особенно интересны мѣры, касающіяся непосредственно университета; изъ нихъ выдѣляется совѣтъ наказывать студентовъ за участіе въ безпорядкахъ лишеніемъ аттестата зрѣлости. Совѣтъ довольно ехидный, но далеко не столь удобоисполнимый, какъ это воображаетъ г. Юзефовичъ; онъ забываетъ, что лишеніе аттестата есть одинъ изъ видовъ лишенія правъ, налагаемыхъ на преступника, даже по русскому законодательству, лишь по суду. Мы не сомнѣваемся, что эта незаконная мѣра, въ случаѣ ея примѣненія, раздѣлитъ участь „временныхъ правилъ“ Боголѣпова, предложенныхъ тѣмъ же „трудолюбцемъ-старикомъ“.

Еще курьезнѣе слѣдующіе совѣты г. Юзефовича: „ввѣрить внутренній распорядокъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ высокообразованнымъ офицерамъ, установивъ въ то же время для студентовъ отвѣтственность по уставамъ военной дисциплины“... организовать студенчество въ... „школьные батальоны“, произвести массовыя увольненія „профессоровъ сомнительнаго направленія“, „современемъ, подъ предлогомъ (курсивъ мой. -ъ) подготовки воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній старшаго возраста къ предстоящей имъ лагерной службѣ, можно было бы ввести офицеровъ-инструкторовъ и въ среднюю школу“... (стр. 64). Однимъ словомъ, предъ нами стройная система утопическихъ мечтаній, представляющихъ изъ себя любопытный пережитокъ старины въ видѣ какой-то смѣхотворной отрыжки аракчеевщины. Два года тому назадъ г. Юзефовичъ предложилъ студентовъ отдавать въ казармы, теперь же онъ хочетъ казармы перенести въ университетъ. Всѣ мѣры, предлагаемыя г. Юзефовичемъ, глупы и ничтожны; пока онѣ на бумагѣ — способны вызвать лишь смѣхъ, при осуществленіи же — лишь всеобщее недовольство и взрывъ общественнаго возмущенія.

Мы совѣтуемъ г. Юзефовичу прочесть чудесную сказку Щедрина, описывающую подвиги Топтыгина, посланнаго Львомъ въ дальній лѣсъ „въ родѣ какъ бы воеводой, внутреннихъ супостатовъ усмирять“ („Новыя сказки для дѣтей наряднаго возраста“ изд. 1893 г.). Изъ этой сказки г. Ю. увидитъ, что предлагаемыя имъ мѣропріятія вовсе не новы. Въ самомъ дѣлѣ: Топтыгинъ по пріѣздѣ въ лѣсъ первымъ дѣломъ „университетъ въ полномъ составѣ разверсталъ въ линейные батальоны“... а г. Юзефовичъ предлагаетъ отдать студентовъ въ „школьные батальоны“, „установивъ для нихъ отвѣтственность по уставамъ военной дисциплины“; Топтыгинъ Университетъ и Академію спалилъ, а „академиковъ въ дупло заточилъ, гдѣ они и поднесь въ летаргическомъ снѣ пребываютъ“, господинъ же Юзефовичъ предлагаетъ даже и при нынѣшнемъ низкомъ уровнѣ профессуры, „поднесь въ летаргическомъ снѣ пребывающей“, произвести „безпощадное“ „очищеніе кафедръ“ отъ лицъ „сомнительнаго направленія“ съ замѣной ихъ профессорами, не умѣющими говорить по русски. Топтыгинъ „забрался ночью въ типографію, станки разбилъ, шрифтъ смѣшалъ, а произведенія ума человѣческаго въ отхожую яму свалилъ; сдѣлавши это, сѣлъ, сукинъ сынъ, на корточки и ждетъ поощренія,“ — точь въ точь то же рекомендуетъ сдѣлать г. Юзефовичъ и, повидимому, также „ждетъ поощренія“... Кромѣ этого, г. Юзефовичъ найдетъ въ чудесной сказкѣ не мало для себя поучительнаго; онъ узнаетъ тамъ, что предлагаемыя имъ мѣропріятія принадлежатъ, по терминологіи Щедрина, къ числу злодѣйствъ „срамныхъ, малыхъ, шуточныхъ“, которыя „не только Исторію въ заблужденіе не вводятъ, но и отъ современниковъ не получаютъ похвалы“. Исторія лишь „отмѣннѣйшее кровопролитіе“ цѣнитъ, а о малыхъ, каково кровопролитіе, предлагаемое г. Юзефовичемъ, „упоминаетъ съ оплеваніемъ“.

„Проклятое то время, восклицаетъ сатирикъ, которое съ помощью крупныхъ злодѣяній цитадели общественнаго благоустройства сокрушаетъ, но срамное, срамное, тысячу разъ срамное то время, которое мнитъ той же цѣли достигнуть съ помощью злодѣяній срамныхъ и малыхъ!“ Такимъ-то дѣятелемъ тысяча разъ срамного времени и является г. Юзефовичъ, — яркій выразитель процесса вырожденія консерватизма и разложенія самодержавнаго режима подъ ударами общественныхъ силъ, руководимыхъ соц.-демократіей. Ей, какъ передовому отряду прогресса, принадлежитъ будущее; темнымъ же дѣятелямъ „срамного времени“ суждено раствориться во mракѣ прошлаго. Будущее вспомнитъ о нихъ лишь „съ оплеваніемъ“. Память о дѣятеляхъ такого типа, какъ г. Юзефовичъ, будетъ увѣковѣчена лишь чѣмъ-либо въ родѣ извѣстной эпитафіи:

Здѣсь обрѣлъ даровую квартиру
Мужъ злокачественъ, подлъ и плѣшивъ.
И оставилъ въ наслѣдіе міру
Образцовыхъ доносовъ архивъ.

—ъ.

толпы находились Никифоръ Фроловъ, приглашавшій стоявшихъ на улицѣ лицъ присоединиться, Михаилъ Богатыревъ, Петръ Заломовъ, Алексѣй Быковъ, Иванъ Сутягинъ, Иванъ Шибаевъ, который махалъ краснымъ флагомъ, прикрѣпленнымъ къ палкѣ, и кричалъ: „собирайтесь сюда!“, а также Василій Солдатовъ и Алексѣй Барановъ. Всѣ эти лица расхаживали по улицѣ съ криками: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!“ Въ это время на Большой улицѣ собралось около 2000 чел. Старанія полиціи водворить порядокъ оказались безуспѣшными, и толпа двигалась сплошною массою. На всѣ просьбы разойтись отвѣчали бранью и бросали камни; при чемъ получилъ ударъ въ лицо жандармскій унтеръ-офицеръ Иванъ Рогалевъ. Возбужденіе толпы постоянно росло, и оскорбленія наносились не только полиціи, но даже и священнику, который, проходя съ иконой Владим. Божьей Матери, подвергся глумленію. Въ 6 час. на заводѣ окончилась денная работа, и послѣ свистка къ толпѣ примкнула значительная часть находившихся до этого на заводѣ мастеровыхъ. Участники безпорядка нѣсколько разъ прошлись по Большой ул., имѣя на палкахъ и въ рукахъ красные платки, распѣвая революціонныя пѣсни: „Собирайся народъ подъ знамя свободы“ и „Дружно, товарищи, въ ногу!“ Это пѣніе, которое, какъ удостовѣрилъ свидѣтель Рогалевъ, начиналъ Михаилъ Самылинъ, неоднократно покрывалось криками Алексѣя Быкова, Наумова и др.: „Долой самодержавіе! Долой царя! Да здравствуетъ политическая свобода!“ На углу Ал.-Невской ул., на поворотѣ къ заводу, толпа, во главѣ которой шли Ал. Быковъ, Заломовъ, Дружкинъ и Наумовъ, остановилась, повидимому, для обсужденія дальнѣйшихъ дѣйствій. Раздались требованія „настоящаго знамени“, на что Заломовъ отвѣчалъ: „успѣемъ“. Одни предлагали идти къ заводу и заявить свои требованія объ увеличеніи заработной платы и уменьшеніи рабочаго дня, а Заломовъ, Самылинъ и Мих. Быковъ. по показанію свидѣтеля Колина, уговаривали продолжать демонстрацію. Послѣ этого толпа раздѣлилась, и часть ея, чел. въ сто, съ тѣми же преступными возгласами направилась къ городской конторѣ. Среди этой части участниковъ безпорядковъ крестьянинъ Сергѣй Тихоновъ замѣтилъ красный флагъ, который несъ на палкѣ неизвѣстный человѣкъ, а рядомъ съ нимъ шли Петръ Дружкинъ и Ал. Ляпинъ, кричавшіе: „Долой царя! Долой самодержавіе!“ Въ это же время Ал. Быковъ, заподозривъ въ Швилли полицейскаго агента, ударилъ его палкой по головѣ. Незадолго передъ нападеніемъ на заводъ, полицейскій надзиратель Высоцкій и урядникъ Комаровъ, замѣтивъ, что безпорядки принимаютъ угрожающій характеръ, передали объ этомъ дирекціи завода и распорядились запереть и укрѣпить ворота и входныя двери, а мѣстный исправникъ сообщилъ начальнику губерніи о возникшей опасности, вслѣдствіе чего къ заводу былъ немедленно отправленъ 238 Клязьминскій резервный батальонъ. Не смотря на то, что Заломовъ и Самылинъ продолжали настаивать на спокойномъ объявленіи заводской администраціи своихъ домогательствъ, часть безчинствовавшихъ, съ крикомъ: „Бей! Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!“, приступили послѣ 8 час. веч. къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Въ заводской конторѣ и въ канцеляріи полицейскаго пристава были выбиты окна. Нѣсколько камней было брошено въ окна директорскаго кабинета, расположеннаго во второмъ этажѣ, и, наконецъ, безчинствовавшіе рабочіе пытались выбить ворота, но были остановлены своими же товарищами, которыхъ завѣдующій матеріальнымъ отдѣломъ Матвѣевскій и инженеръ Заварицкій успѣли собрать для защиты завода.

Несолидарность товарищей и раздавшійся барабанный бой, указывавшій на появленіе войска, подѣйствовали на толпу, которая стала разбѣгаться. Во время безчинствъ у завода большая часть манифестантовъ оставалась на Большой ул., къ ней присоединились и возвращавшіеся отъ завода рабочіе, и толпа съ криками: „Долой самодержавіе! Да здравствуетъ политическая свобода!“ подняла красное знамя, на которомъ бѣлой краской былъ написанъ тотъ же дерзостный призывъ, и съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ направилась къ Дарьинскому выселку. Знамя несъ на древкѣ Заломовъ; Алексѣй Быковъ, по показанію свидѣтеля Шмерли-Швилли, поддерживалъ другой его конецъ, чтобы яснѣе была видна надпись, около нихъ шелъ Мих. Самылинъ, а Яковъ Полозовъ выкинулъ красный флагъ меньшаго размѣра съ надписью: „Да здравствуетъ восьмичасовый рабочій день!“ Едва всѣ эти лица стали приближаться къ Дарьинской проходной, какъ показалась первая рота Клязьминскаго батальона. По командѣ ротнаго командира штабсъ-капитана Крылова, нижніе чины, взявъ ружье „на руку“, устремились на участниковъ демонстраціи, но послѣдніе съ крикомъ стали наступать на солдатъ, вслѣдствіе чего и были окружены. Вырвавъ у Заломова знамя, штабсъ-капитанъ Крыловъ задержалъ его и Дружкина, который, по показанію этого свидѣтеля, растягивалъ свободный конецъ флага, при чемъ Заломовъ сказалъ: „что вы меня держите? я вѣдь не убѣгу!“ Нижніе чины роты успѣли взять изъ толпы чел. 15-17, а остальные разбѣжались по сторонамъ. Когда рота съ арестованными двинулась дальше, въ нее были брошены три или четыре камня, изъ которыхъ одинъ попалъ въ ногу фельдфебеля. Послѣ предупрежденія, что будутъ стрѣлять, бросаніе камней прекратилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и самые безпорядки. Въ тотъ же вечеръ, по показанію свидѣтеля Лазарева, крестьянинъ Иванъ Шибаевъ, вернувшись домой, высказалъ удовольствіе по поводу того, что ему удалось ускользнуть отъ солдатъ и что они не всѣхъ задержали, вслѣдствіе чего онъ, Шибаевъ, и былъ арестованъ. По показанію управляющаго заводомъ инженера Мещерскаго, въ 1901 и 1902 гг. до дня безпорядковъ никто изъ рабочихъ не обращался къ нему съ требованіями объ увеличеніи заработка и уменьшеніи часовъ рабочаго дня. По удостовѣренію же свидѣтелей Старцева, Матвѣевскаго и Заварицкаго во все время безпорядковъ безчинствовавшіе рабочіе не требовали повышенія рабочей платы и не жаловались на заводскіе порядки. Событіе перваго мая не оказало никакого вліянія на ходъ работъ, такъ какъ на другой день на работу вышли всѣ люди, во всѣхъ мастерскихъ. 5 мая былъ разбросанъ листокъ, сообщающій о бывшихъ перваго мая безпорядкахъ, съ указаніемъ на вредъ, вызванный разгромомъ заводской конторы, послужившимъ поводомъ къ вызову войскъ, на доблестное поведеніе небольшой толпы, ограничившейся политической манифестаціей, и на геройское поведеніе несшаго красное знамя, который одинъ, не боясь солдатскихъ штыковъ, твердо стоялъ на своемъ посту. Сообщеніе заканчивалось выраженіемъ надежды, что примѣръ этого знаменоносца возбудитъ въ рабочихъ неудержимо твердое желаніе бороться за свободу и что къ будущей демонстраціи присоединится большая часть сормовскихъ рабочихъ, — а также призываетъ къ пожертвованіямъ въ пользу арестованныхъ.

„Изъ обвиняемыхъ виновнымъ призналъ себя лишь Яковъ Полозовъ, который показалъ, что въ толпѣ демонстрантовъ были Михаилъ Быковъ, Наумовъ, Самылинъ, Богатыревъ и Заломовъ. Сверхъ того, Полозовъ показалъ, что, въ концѣ 1901 г. до него дошли слухи, что въ Сормовѣ организовалась партія социалистовъ. Желая узнать, что у нихъ дѣлается, Полозовъ стремился попасть въ возникшій кружокъ. Это ему удалось, и съ января 1902 г. онъ сталъ уплачивать по 2 коп. съ каждаго заработаннаго рубля, каковыя деньги, какъ онъ слышалъ отъ представителя кружка, рабочаго Дмитрія Углева, поступали къ казначею ассоціаціи Михаилу Самылину. Передъ масляной недѣлей, въ 10 час. вечера, въ деревнѣ Починкахъ, Балахнинскаго уѣзда было общее собраніе членовъ кружка: на собраніи этомъ среди другихъ лицъ присутствовали; Заламовъ, Самылинъ и Богатыревъ. Обсуждался вопросъ объ устройствѣ 1 мая въ селѣ Сормовѣ демонстраціи, причемъ было высказано желаніе, чтобы она носила „мирный характеръ“ и т. д. — Словомъ, вполнѣ „чистосердечное“ признаніе. Полозовъ, не въ примѣръ прочимъ обвиняемымъ, до суда находится на свободѣ.

Всѣ остальные обвиняемые „отрицали безусловно свою виновность“, либо отвергая фактъ своего участія въ толпѣ, либо объясняя его посторонними причинами. Обвиняемый Ляпинъ, объясняя, что былъ во время демонстраціи только зрителемъ, показалъ, что въ толпѣ демонстрантовъ видѣлъ Дружкина.

Изъ числа свидѣтелей, на которыхъ ссылались обвиняемые, отрицавшіе свое участіе въ демонстраціи, часть подтвердила эти ссылки.

Заключеніе обвинительнаго акта гласитъ:

Такіе-то подсудимые „на основаніи всего вышеизложеннаго... обвиняются въ томъ, что 1 мая 1902 г. въ с. Сормовѣ, Балахнинскаго у., съ цѣлью дерзостнаго порицанія самодержавной власти и установленнаго законами образа правленія учинили шествіе по Большой и Александро-Невской улицамъ съ пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ, выкинувъ красные флаги, на одномъ изъ которыхъ имѣлась надпись: „долой самодержавіе! да здравствуетъ политическая свобода!“, и дозволили себѣ, какъ во время этого шествія, такъ и при совершеніи насильственныхъ дѣйствій у Сормовскаго завода неоднократно кричать: „долой царя! долой самодержавіе! да здравствуетъ политическая свобода!“, — т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1 и 2 ч. 252 ст. Улож. о Нак. Вслѣдствіе сего и согласно 2 п. 1030 ст. Уст. Уг. Суд. всѣ вышепоименованныя лица подлежатъ суду Моск. Суд. Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей.

Сентября 12 дня 1902 года, городъ Москва.

Тов. прок. Суд. Палаты П. Курловъ.“

БОБЧИНСКІЕ ВЪ ОППОЗИЦІИ.

Въ почтовомъ ящикѣ „Освобожденія“ (№ 9) г. Струве жалуется одному изъ своихъ корреспондентовъ на „непонятную враждебность, проявляемую нѣкоторыми ‚революціонерами‘“.

Намекъ слишкомъ ясенъ. Но намъ въ свою очередь непонятна „непонятливость“ г. Струве. Мы всегда указывали и готовы указать еще разъ, что наша „враждебность“ направлялась лишь на ту часть гражданской души г. Струве, которая служитъ пріютомъ филистерскому политиканству и политическому филистерству. Когда же г. Струве говоритъ голосомъ честнаго гражданина-демократа, мы всегда готовы его привѣтствовать.

Но къ крайнему ущербу для собственной политической физіономіи и къ великому вреду для дѣла, которому онъ хочетъ служить, г. Струве не находитъ въ себѣ отваги отказаться разъ на всегда отъ роли литературнаго представителя земско-политическаго Messigkeit verein'а (общества воздержанія) и увѣренной ногой стать на единственно-возможный, т. е. революціонный путь освобожденія родины.

Г. Струве тяготѣетъ къ тяжеловѣсной земской оппозиціи. Тутъ еще нѣтъ грѣха. Но чѣмъ авторитетнѣе „Освобожденіе“ въ земскихъ сферахъ, тѣмъ обязательнѣе для его редактора выступать со словомъ рѣшительнаго осужденія въ тѣхъ случаяхъ, когда обслуживаемые имъ земскіе дѣятели пытаются упрятать свои гражданскія чувства въ расщелины междуминистерскихъ столкновеній.

Г. Струве энергично полемизируетъ съ „Моск. Вѣд.“, которыя, глумясь надъ суджанскимъ уѣзднымъ комитетомъ, уподобляютъ его дѣятелей Добчинскому и Бобчинскому. „Если г. Евреиновъ Добчинскій, — восклицаетъ г. Струве, — то что же такое объявленный ему Высочайшій выговоръ?“

Говорятъ, что истина нерѣдко открывается черезъ младенцевъ. Повидимому, иногда также и черезъ юродивыхъ злецовъ. Потому что „Моск. Вѣд.“, уподобляя г. Евреинова Добчинскому, поразительно близки къ истинѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочитать рабье посланіе „почтеннаго земскаго дѣятеля“ министру финансовъ.*)

„4 августа. Ст. Вилейки, въ ожиданіи поѣзда.

„Ваше Высокопр—ство, глубокочтимый Сергѣй Юльевичъ!

„Чтобы указать, что я не былъ голословенъ, когда говорилъ Ваш. Высокопр—ству, что при тѣхъ условіяхъ, въ которые ставитъ мѣстные комитеты Мин. Вн. Дѣлъ, невозможно работать, позвольте Вамъ послать вырѣзку изъ газеты „Рус. Вѣд.“ о засѣданія Пензенскаго губерн. ком. и Сарат. уѣздн. Изъ этого отчета Вы изволите усмотрѣть, что губернаторы не позволяютъ поднимать общихъ вопросовъ (тоже самое было въ курскомъ губерн. ком.), и уѣзды съ ретроградами во главѣ занимаются лишь изыскиваніемъ мѣръ упрятывать полегче мужика въ тюрьму. Очевидно, что при такихъ условіяхъ Особое Совѣщаніе немного узнаетъ объ общихъ нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, и великое серіозное дѣло, Вами прекрасно задуманное, можетъ окончиться ничѣмъ, или очень малымъ. Мин. Вн. Дѣлъ поставилъ мнѣ въ вину, что я въ уѣздномъ комитетѣ поднялъ общіе вопросы, которые не входятъ въ виды правительства; но вѣдь общій вопросъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности поставленъ Особымъ Совѣщаніемъ и его предсѣдателемъ. Кто же эти лица, какъ не то же правительство? И развѣ Ваше Высокопр—ство не такой же представитель высшаго правительства, какъ и другія министерства, и почему Ваши требованія для насъ менѣе обязательны, чѣмъ неизвѣстныя для насъ желанія другихъ? Здѣсь кроется, очевидно, недоразумѣніе, и мы за это платимся, а намъ вмѣстѣ съ тѣмъ видно очень ясно то плачевное положеніе, при которомъ приходится жить въ провинціи. Съ одной стороны, запуганное и запугиваемое, вынужденное къ молчанію, общество, съ другой — разнуздавная кучка анархистовъ, ничего не боящаяся, даже висѣлицы, и между ними мечущееся министерство внутр. дѣлъ, безплодно ведущее борьбу съ этой лернейской гидрой. Зловредной кучки мы, мирные земледѣльцы, боимся не менѣе министерства внутр. дѣлъ. Всѣ эти убійства, волненія и погромы не даютъ мирно трудиться и даже жить спокойно. И вотъ, едва на сдѣланный правительствомъ же запросъ я и нашъ уѣздъ хотѣли правдиво отвѣтить, что тормозитъ нашу жизнь и главное наше занятіе, сельское хозяйство, какъ поднялись громы и молніи на осмѣлившихся сказать правду.

Простите великодушно мою смѣлость писать Ваш. Высокопрев—ству это частное письмо, но я считалъ своимъ долгомъ подтвердить фактами мои слова.

Глубоко Васъ почитающій и искренно глубоко Васъ уважающій, преданный Вамъ А. В. Евреиновъ.“

Мы оставляемъ въ сторонѣ цинично-откровенный страхъ собственника передъ „разнузданной кучкой анархистовъ, ничего не боящейся, даже висѣлицы“... Но и во всемъ остальномъ — какая поразительная смѣсь „долга“ и личнаго „достоинства“ съ лакейской угодливостью и лестью! Какая гражданская отвага въ этомъ стремленіи торопливо укрыться отъ громовъ „Его Высокопревосходительства“ отъ внутреннихъ дѣлъ за спину „Вашего Высокопревосходительства“ отъ финансовъ! Развѣ вы не видите Петра Ивановича Добчинскаго, который пѣтушкомъ, пѣтушкомъ бѣжитъ за экипажемъ „искренно и глубоко почитаемаго и уважаемаго“ С. Ю. Витте и почтительно-торопливо докладываетъ ему, что если онъ, Петръ Ивановичъ, и прижилъ нѣкоторыя резолюціи внѣ легальнаго брака, то это ничего, „ибо все было такъ же, какъ бы и въ бракѣ“: развѣ, въ самомъ дѣлѣ, „Ваше Высокопревосходительство не такой же представитель высшаго правительства“? Развѣ Вы не наши отцы, и мы не Ваши дѣти?

О, это земское холопство и оппозиціонное лакейство!... Какія же египетскія казни, какіе россійскіе скорпіоны нужны еще для того, чтобы выпрямить, наконецъ, угодливо согнутую спину либеральнаго земца, чтобы заставить его почувствовать себя не подручнымъ „представителей русскаго правительства“, но увѣреннымъ въ себѣ работникомъ народнаго освобожденія?!

КЪ ВОПРОСУ О ПРОПАГАНДѢ ВЪ ВОЙСКАХЪ.

Военный Министръ.
Главному Военно-Судному Управленію
12 авг. 1902 г. № 236.

Копія съ копіи.
Секретно.

М. Г.
(Командующій войсками округа).

Попытки политическихъ агитаторовъ къ распространенію въ войскахъ пропаганды, составлявшія ранѣе сравнительно рѣдкое явленіе, за послѣднее время участились и сдѣлались настолько дерзкими, что вызываютъ необходимость обратить на нихъ серьезное вниманіе. — Такъ, изъ донесеній военныхъ начальниковъ и сообщеній М. В. Д. и Юстиціи видно, что въ маѣ 1901 г. были найдены прокламаціи въ казармахъ 116 пѣх. Малоярославскаго полка; въ томъ же мѣсяцѣ на имя штабсъ-капитана 141 пѣх. Можайскаго полка Шереметева были присланы изъ-за границы двѣ возмутительнаго содержанія брошюры подъ заглавіемъ „Политика и офицеры“ и „Уничтоженіе постоянныхъ армій“; въ августѣ того же года всѣмъ офицерамъ 27 пѣх. дивизіи были доставлены подставными почталіонами воззванія къ „офицерамъ“ отъ „Виленской с.-д. группы“, упрекающія офицеровъ въ томъ, что они являются по приказу начальства „палачами честныхъ тружениковъ“ и призывающія ихъ „отказаться отъ этой позорной роли“; копія съ этого воззванія была затѣмъ (въ февр. 1902 г.) разослана по почтѣ офицерамъ Московскаго гарнизона и доставлена, также по почтѣ, въ офицерскую стрѣлковую школу; въ январѣ 1902 г. подпоручику 9 гренадерскаго Сибирскаго полка Шельминову было доставлено письмо противоправительственнаго содержанія, заключающее въ себѣ энергичный призывъ къ общему отказу отъ военной службы; въ томъ же мѣсяцѣ было обнаружено распространеніе, посредствомъ списыванія, и даже литографированія въ полковыхъ канцеляріяхъ, среди нижнихъ чиновъ 65 пѣх. Московскаго Его Величества 66 пѣх. Бутырскаго и 21 драгунскаго Бѣлорусскаго полковъ рукописи преступнаго содержанія подъ заглавіемъ „Солдатское отче нашъ“, возбуждающей солдатъ противъ ихъ начальниковъ; въ февралѣ и мартѣ офицерамъ Петербургскаго гарнизона разсылались прокламаціи, приглашавшія ихъ стать вмѣстѣ со студентами въ ряды политическихъ демонстрантовъ; въ апрѣлѣ офицерамъ Виленскаго гарнизона снова разсылалась по почтѣ прокламація „Рос. С.-Дем. Раб. П.“, убѣждавшая ихъ примкнуть къ „общерусскому революціонному движенію“; въ томъ же мѣсяцѣ во дворахъ казарменнаго расположенія войскъ Красноярскаго гарнизона оказались подброшенными въ большомъ количествѣ прокламаціи „Сибирск. С.-Дем. Союза“, озаглавленныя „Войскамъ Красн. гарнизона“, убѣждающія нижнихъ чиновъ „не поднимать оружія противъ своихъ братьевъ-крестьянъ и рабочихъ, борющихся за правое дѣло“; въ томъ же апрѣлѣ и въ маѣ было замѣчено распространеніе въ значительномъ количествѣ среди нижнихъ чиновъ 13 пѣх. дивизіи прокламацій подъ заглавіемъ „Къ солдатамъ“ и такъ называемыхъ „памятокъ“, призывающихъ къ неповиновенію Царю и къ сверженію правительственныхъ властей, какъ беззаконныхъ и несправедливыхъ, а затѣмъ обнаружены и попытки личнаго воздѣйствія агитаторовъ на нижнихъ чиновъ дивизіи, при чемъ среди этихъ агитаторовъ оказалось не мало нижнихъ чиновъ расположенныхъ въ Севастополѣ морскихъ командъ. Наконецъ въ мартѣ 1902 г. была открыта организованная пропаганда среди нижнихъ чиновъ лейбъ-гренадерскаго Екатеринославскаго полка, веденная уже не посторонними только арміи лицами, но и самими нижними чинами, при чемъ во главѣ этой организаціи стоялъ рядовой (изъ дворянъ) названнаго полка Альшанскій, умышленно скрывшій при призывѣ свои права на сокращенный срокъ службы, чтобы имѣть возможность дольше вести пропаганду среди нижнихъ чиновъ; за время своего пребыванія въ полку Альшанскій энергично пропагандировалъ революціонныя идеи какъ посредствомъ личныхъ бесѣдъ съ нижними чинами, такъ и посредствомъ раздачи имъ значительнаго количества брошюръ, прокламацій и т. п., причемъ нѣкоторые нижніе чины являлись прямыми сотрудниками преступной дѣятельности Альшанскаго, другіе же являлись попустителями и недоносителями. Заслуживаетъ также особаго вниманія тотъ фактъ, что въ числѣ лицъ, привлеченныхъ въ качествѣ обвиняемыхъ по дѣлу о недавнихъ аграрныхъ безпорядкахъ въ южныхъ губерніяхъ оказался подпоручикъ 133 пѣх. Симферопольскаго полка, Пасько, изобличенный и сознавшійся въ распространеніи среди крестьянъ Полтавской губ. различныхъ брошюръ и воззваній преступнаго содержанія. Приведенные примѣры, по всей вѣроятности, далеко не исчерпываютъ еще всѣхъ, имѣвшихъ мѣсто за послѣднее время, случаевъ проникновенія тѣмъ или инымъ путемъ пропаганды въ войска, такъ какъ есть полное основаніе предполагать, что многіе изъ такихъ случаевъ, при достаточной осторожности и скрытности дѣйствій подпольныхъ агитаторовъ, остались неизвѣстными не только высшему, но и ближайшему военному начальству. Тѣмъ не менѣе, и эти примѣры достаточно свидѣтельствуютъ о весьма настойчивомъ стремленіи революціонныхъ и соціалистическихъ кружковъ къ распространенію своихъ идей среди военнослужащихъ, какъ посредствомъ разсылки по почтѣ на имя офицеровъ и нижнихъ чиновъ и разбрасыванія въ мѣстахъ расположенія частей войскъ преступныхъ воззваній, прокламацій и т. п., такъ и посредствомъ личныхъ сношеній съ нижними чинами агитаторовъ, въ числѣ которыхъ оказались даже лица, состоящія въ дѣйствительной военной службѣ.

---

*) См. бюллетень „Рев. Россіи“, № 76.

Признавая огражденіе арміи отъ тлетворнаго вліянія политическихъ лжеученій дѣломъ первостепенной государственой важности и возложивъ на Главное Военно-Судное Управленіе всестороннее обсужденіе вопроса о средствахъ борьбы съ вышеупомянутымъ прискорбнымъ явленіемъ, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, долгомъ считаю просить Ваше Высокопревосходительство сообщить мнѣ Ваше мнѣніе о томъ, какія мѣры Вы, съ своей стороны, признавали бы въ семъ случаѣ наиболѣе цѣлесообразными и необходимыми.

Подлинный подписалъ А. Куропаткинъ.

Циркуляръ разосланъ командующимъ войсками всѣхъ военныхъ округовъ.

„Неблагопріятные слѣды“ правительственной мудрости

Командиръ ... армейскаго
корпуса.
Сентября .. дня 1902 г.
№ ...

Копія. Конфиденціально.
(Командирамъ тѣхъ полковъ, въ которыхъ отбывали солдатчину студенты по временнымъ правиламъ.)

По имѣющимся въ М. В. Д. свѣдѣніямъ, пребываніе въ войсковыхъ частяхъ студентовъ, зачисленныхъ на службу на основаніи временныхъ правилъ (указъ по Воен. Вѣд. 1899 г. № 297) оставило неблагопріятные слѣды во всѣхъ вообще войскахъ, гдѣ названныя лица служили. Независимо сего обнаружено, что одинъ изъ студентовъ, пользуясь будто бы, благодаря проявленной къ нему командиромъ полка слабости, большою свободой, вредно вліялъ не только на нижнихъ чиновъ, но даже и на офицеровъ полка; по увольненіи отъ службы означенный студентъ имѣлъ будто бы переписку, неполитическаго, впрочемъ, содержанія, какъ съ офицерами, такъ и съ нижними чинами той части войскъ, гдѣ онъ состоялъ на службѣ. Вслѣдствіе запроса по сему предмету, за Воен. Министра Начальника Гл. Штаба Командующій Войсками Округа проситъ собрать и доставить самыя тщательныя свѣдѣнія о томъ, не наблюдалось-ли подобныхъ явленій во ввѣренномъ Вамъ полку.

Шемякинъ судъ въ Валкахъ.

Валки, Харьк. губ., 1 октяб. Харьковская Судебная Палата, въ особомъ присутствіи которой разсматривалось дѣло Валковскихъ крестьянъ, лишній разъ обнаружила холопскую зависимость нашего „скораго, праваго и милостиваго суда“ отъ велѣній свыше. Н. В. Муравьевъ (надо отдать ему дань удивленія) съ большимъ искуствомъ и знаніемъ человѣческой природы подобралъ личный составъ высшихъ судебныхъ учрежденій. Благодаря умѣлому выбору г. министра юстиціи, продѣланнымъ имъ и его предшественникомъ „исправленіямъ“ судебныхъ уставовъ, „исправленіямъ“, которыя въ значительной степени поколебали независимость и несмѣняемость нашихъ судей, послѣдніе, въ настоящее время, за весьма рѣдкими исключеніями, мало отличаются отъ прочей чиновничьей челяди и въ рукахъ самодержавныхъ министровъ являются такимъ же послушнымъ орудіемъ произвола и беззаконія, какъ какой-нибудь городовой или урядникъ. Валковскій процессъ можетъ послужить недурной иллюстраціей этой печальной и далеко не новой истины.

Къ дѣлу было привлечено 1090 обвиняемыхъ и около 500 свидѣтелей. Можно было бы, конечно, обойтись и безъ свидѣтелей, засадивъ ихъ также на скамью подсудимыхъ. Я думаю, что г.г. слѣдователи такъ бы и поступили, еслибы не вынесли изъ стѣнъ университета понятія о формальномъ различіи между судебнымъ процессомъ и административной расправой. Такъ какъ имъ велѣно было творить судъ, а не расправу, они и выдѣлили изъ поруганной, избитой крестьянской массы свидѣтелей и обвиняемыхъ. Раздѣляя участниковъ на овецъ и козлищъ, г.г. слѣдователи руководствовались, очевидно, количествомъ и качествомъ знаковъ, оставшихся на тѣлѣ привлеченныхъ къ дознанію, послѣ экзекуцій князя Ивана.

У кого тѣлесныхъ поврежденій было меньше, тотъ попалъ въ свидѣтели, у кого больше — въ обвиняемые. Я такъ смѣло говорю это потому, что въ числѣ послѣднихъ оказались завѣдомо невинные люди. Очевидно, что г.г. слѣдователи бросали въ тюрьму перваго встрѣчнаго, всякаго, кто попадался подъ руку. Ставить имъ это въ особую вину, конечно, нельзя: всѣ принимали участіе въ безпорядкахъ, сѣкли также всѣхъ, не разбирая, кто „разграбилъ“ помѣщичьи запасы, и кто „съ преступнымъ попустительствомъ“ смотрѣлъ на расхищеніе панскаго добра, не принимая въ немъ непосредственнаго участія. Такъ рѣшили и Плеве и великій государь: всѣ виноваты, на всѣхъ наложить дань. При томъ же необходимо было спѣшить для того, чтобы показать вышедшему изъ повиновенія народу и волнующемуся обществу, что свирѣпый князь Иванъ — это такъ, для порядка, и что, кромѣ него, есть на Руси скорый и милостивый судъ.

Подобно слѣдователямъ, дѣйствовали и судьи. Когда защитники обвиняемыхъ на судебномъ слѣдствіи попытались было выяснить обстоятельства, при которыхъ совершалось „возстановленіе порядка“ въ охваченныхъ волненіями селеніяхъ, т. е., по просту говоря, вывести на чистую воду всѣ гнусности и жестокости, совершенныя Оболенскимъ и его присными надъ крестьянами и напомнить суду исконное судебное правило — „не отмстиши дважды за едино“, — судъ рѣшительно запретилъ имъ касаться этой стороны дѣла. Да и, конечно, зачѣмъ? зачѣмъ волновать умы? (Судьи не очень полагаются на закрытыя двери своихъ залъ). Зачѣмъ напрасно смущать человѣческія сердца картинами нечеловѣческой расправы надъ безоружнымъ покорнымъ народомъ? Зачѣмъ раскрывать гнойныя язвы страны, истерзанной бѣшеными собаками самодержавія? До нихъ нѣтъ дѣла суду! Это „внутренняя политика“, которой должны быть чужды „безстрастные“ слуги закона!...

Защитники поняли, что оставаться дольше среди этихъ лакеевъ Муравьева, значило бы участвовать въ гнусной судебной комедіи, которую такъ цинично разыгрывала Харьковская Судебная Палата. Они поняли, что ихъ пѣсня спѣта и ихъ долгъ отказаться отъ защиты. Такъ они и поступили. Удалившись въ совѣщательную комнату, черезъ нѣсколько минутъ они вынесли оттуда заявленіе, прошедшее черезъ закрытыя двери суда и разлетѣвшееся по всей Россіи.*)

Смущенный, поблѣднѣвшій предсѣдатель принялъ это заявленіе, и защитники покинули судебное засѣданіе. Этимъ въ сущности закончился судебный процессъ, такъ какъ дальше уже началась ничѣмъ не прикрашенная, упрощенная судебная расправа. Говорилъ обвинитель. „Передъ вами, г.г. судьи, сказалъ онъ въ своей рѣчи, не бунтовщики, не революціонеры, а такіе же, какъ и мы, вѣрноподданные русскаго царя, только сбитые съ толку, обманутые врагами народа.“ Въ виду этого прокуроръ не настаивалъ на тяжеломъ наказаніи. Судъ отнесся къ подсудимымъ, по россійскимъ законамъ, довольно мягко и присудилъ ихъ подвергнуть годичному тюремному заключенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, судъ постановилъ ходатайствовать передъ верховной властью о сокращеніи заключенія до 6 мѣсяцевъ. Какъ видите, очень мягко, очень милостиво. Сначала разорили, искалѣчили нравственно и физически, а въ заключеніе милостивое царское рѣшеніе — полгода тюремнаго сидѣнья...

Обвинитель говорилъ объ обманѣ темнаго народа. Да, дѣйствительно, его обманули. Но обманули его не мы, революціонеры, и въ частности, не мы, соціаль-демократы. Обманули его вы, „защитники правды и порядка“, обманула его безпросвѣтная тьма, въ которой держите вы его и изъ которой не даете выбиться ему къ свѣту науки и правды.

Въ настоящее время не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что всѣ слухи и толки о генералахъ, о подложныхъ манифестахъ — совершенная чепуха и ложь, первоисточника которой надо искать въ головахъ ошалѣвшихъ отъ злобы и страха г.г. помѣщиковъ и въ застѣнкахъ жандармскихъ управленій. Ни одинъ изъ привлеченныхъ къ дѣлу крестьянъ ни словомъ не обмолвился о такомъ обманѣ.

Со словъ потерпѣвшихъ (вотъ настоящее имя для Валковскихъ „бунтовщиковъ“), мотивы, заставившіе ихъ „разбирать панскія экономіи“, какъ довольно точно называютъ они форму, въ которую вылилось крестьянское движеніе, заключаются въ слѣдующемъ: стали ходить по народу листки и книжки, въ которыхъ говорилось о томъ, что земля должна принадлежать трудящемуся люду, а не панамъ-дармоѣдамъ. Въ этихъ листкахъ говорилось и о многомъ другомъ: о неправильномъ распредѣленіи налоговъ, о невыносимомъ бремени податей, объ иномъ, не самодержавномъ, государственномъ строѣ, при которомъ народу легче будетъ выбиться изъ сѣтей пауковъ-помѣщиковъ и капиталистовъ, но это другое не могло воспринять большинство не привыкшей мыслить крестьянской массы. Всѣ думы и чувства мужика сосредоточились на одномъ, на необходимости земли и идея національзаціи земли, своеобразно преломившись въ крестьянскомъ сознаніи, одна запала въ умы, одна осталась въ нихъ изъ всѣхъ мыслей, которымъ были посвящены прокламаціи и брошюры. Если принять во вниманіе, что свободное печатное слово непосредственно было воспринято сравнительно немногими, до большинства же дошло въ перетолкованномъ и дополненномъ крестьянской фантазіей видѣ, то совершенно станетъ понятно, откуда взялось „разрѣшеніе разбирать панскія экономіи“, и какимъ образомъ прокламаціи, призывавшія крестьянъ свергнуть царя-самодержца, превратились въ „росписки“, въ которыхъ крестьянамъ этимъ самимъ царемъ давалось это разрѣшеніе. Однако сами по себѣ листки и книжки врядъ ли натолкнули бы валковскихъ крестьянъ начать свой, толко въ Россіи возможный, „бунтъ“. Какъ указывалось въ свободной прессѣ, революціонное сѣмя упало на подготовленную почву. — Шутка сказать — на душу крестьянскаго населенія валковскаго уѣзда приходится въ среднемъ не болѣе одной десятины! При этомъ полное отсутствіе энергіи, глубокая косность и рутина. На заработки крестьяне почти не ходятъ. „Куда идти? Отцы не ходили и намъ не велѣли“.

Но, быть можетъ, несмотря на наличность этихъ тяжелыхъ условій, сами валковцы не двинулись бы въ помѣщичьи усадьбы, если бы не слухи о томъ, что поднялась полтавщина. Эти слухи окончательно взбудоражили валковцевъ и явились первой искрой, отъ которой запылалъ пожаръ въ уѣздѣ. Я не стану описывать самаго процесса „разбора“ экономій, такъ какъ объ этомъ достаточно говорилось въ печати. Скажу только, что разборъ совершался въ замѣчательномъ порядкѣ и чинился по самой строгой справедливости. Къ амбарамъ подходили голова въ голову, такъ, какъ это дѣлается передъ билетными кассами театровъ или желѣзнодорожныхъ вокзаловъ. Кому не хватало зерна, того вознаграждали чѣмъ-либо другимъ, равноцѣннымъ. Безлошадныхъ надѣляли лошадьми, безкоровныхъ — коровами. Въ самыхъ усадьбахъ отчуждали, въ большинствѣ случаевъ, только полы (очевидно считали, что это излишняя роскошь), утвари же, вообще говоря, не трогали, оставляя дома со всей движимостью, кромѣ хозяйственныхъ вещей, и „15 десятинъ“ въ пользованіе владѣльца.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что крестьяне отнюдь не думали, что совершаютъ уголовно наказуемыя дѣянія. Въ ихъ глазахъ „разборка экономій“ было такимъ же законнымъ, правомѣрнымъ дѣломъ, какъ передѣлъ полей и разверстка луговъ. Даже солдатъ на первыхъ порахъ они приняли не какъ усмирителей, а какъ военную силу, посланную наблюдать, чтобы при дѣлежѣ панской земли и добра не было бы между ними ссоръ и напрасныхъ пререканій. Скоро на своихъ спинахъ они поняли ошибку и немедленно покорно стали исправлять свой грѣхъ передъ царемъ. И усмиреніе было тѣмъ возмутительнѣе, что въ немъ не было никакой надобности. Сѣкшіе крестьянъ солдаты подъ руководствомъ офицеровъ (это фактъ!) сѣкли ихъ не въ цѣляхъ прекращенія движенія, а потому, что надо было наказать бунтовщиковъ, чтобы въ другой разъ они не посмѣли осуществлять своихъ мечтаній. Сѣкли ужъ тогда, когда крестьяне добровольно возвращали взятое у пановъ добро и хлѣбъ, обнаруживая этимъ полное и явное сознаніе ошибочности своихъ дѣйствій.

Къ 200-лѣтію присоединенія Шлиссельбурга. 11 октября Шлиссельбургъ былъ мѣстомъ историческаго торжества: высочества, преосвященства и превосходительства праздновали двухсотлѣтіе того дня, когда Петръ I, взявъ „зѣло жестокій орѣхъ“ (Нотебургъ или Орѣхъ-городъ), поздравилъ подданныхъ „сею викторіею“. Съ тѣхъ поръ Шлиссельбургъ служитъ одновременно и „окномъ въ Европу“ и... важнѣйшей государственной тюрьмой.

Празднуйте, празднуйте, господа — сегодня вы еще хозяева положенія. Увы! Кто поручится за завтрашній день?

Но спокойно-ли вы пировали въ виду тюремныхъ камней, которые впитали въ себя трагическую повѣсть одинокихъ героевъ, павшихъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ?

Не раскрылъ-ли вамъ очей страхъ предъ зловѣщимъ для васъ завтрашнимъ днемъ? Если такъ, то вы должны были видѣть, что по крѣпостнымъ стѣнамъ Шлиссельбурга до сего дня бродятъ неотомщенныя тѣни замученныхъ вами рыцарей свободы. Онѣ взываютъ о мести, эти страдальческія тѣни. Не о личной, но о революціонной мести. Не о казни министровъ, а о казни самодержавія.

Сколько негодованія будитъ въ груди это „патріотическое“ празднество, этотъ букетъ „высокихъ“ негодяевъ, эти лицемѣрныя рѣчи, эти лицемѣрные клики — на проклятомъ островѣ, который былъ мѣстомъ казни Минакова, Мышкина, Рогачева, Штромберга, Ульянова, Генералова, Осипанова, Андреюшкина и Шевырева, — въ виду каменныхъ мѣшковъ, въ которыхъ Клименко удушилъ себя веревкой, Грачевскій облилъ себя керосиномъ и сжегъ, Софья Гинсбургъ заколола себя ножницами, — подъ стѣнами, въ которыхъ Щедринъ, Ювачевъ, Коношевичъ, Похитоновъ, Игнатій Ивановъ, Арончикъ и Тихановичъ погрузились въ безысходную ночь безумія, а десятки другихъ погибли отъ истощенія, цынги и чахотки.

Предавайтесь же патріотическимъ вакханаліямъ, ибо сегодня вы еще господа въ Шлиссельбургѣ!

Черниговъ. „Умѣренность обязываетъ“, заявляетъ „Освобожденіе“, обращаясь къ россійскимъ либераламъ, или, какъ оно выражается, къ „отцамъ и умѣреннымъ“. У насъ, въ Черниговской губерніи, умѣренность, повидимому, нисколько не обязываетъ противиться царящему произволу... Среди черниговскихъ либераловъ не только нѣтъ и рѣчи о томъ, чтобы „бросить на вѣсы исторіи свои политическія дѣйствія, свое гражданское мужество“, тутъ даже не умѣютъ отстаивать и тѣ, по истинѣ, нищенски жалкія права, которыя значатся въ законѣ...

Существуетъ 286 ст. Общ. Губ. Учрежденія, которою должны руководствоваться и земства, и губернская администрація въ дѣлѣ приглашенія (функція земскихъ управъ) и утвержденія (функція губернаторовъ) служащихъ въ земствѣ. Въ силу этой статьи, губернаторъ обязанъ въ теченіи двухъ недѣль отвѣтить данной земской управѣ, встрѣчается-ли со стороны администраціи препятствіе къ пріему даннаго служащаго на мѣсто или нѣтъ? Никакія отсрочки или условные отвѣты закономъ не предусматриваются и, слѣд., не разрѣшаются. Но, какъ говорятъ остряки, если по закону всегда ходить, то его можно истоптать, и тогд закона вовсе не останется. Держась этого мнѣнія и памяту что онъ является въ Черниговской губ. представителемъ фирм „Ника-Милуша“ и Ко.“, губернаторъ Андреевскій всякими способами допекаетъ земство или, вѣрнѣе, тѣхъ его представителей, которые не отвѣчаютъ видамъ правительства. Представляетъ, напр., какая-нибудь земская управа губернатру на утвержденi какой-нибудь „третій элементъ“. Губернаторъ или отвѣчаетъ только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ — иногда даже черезъ 5 мѣс — или отвѣчаетъ, хотя бы и черезъ двѣ недѣли, но условно, въ такомъ родѣ: „пріостановить съ назначеніемъ Х. впредь до особаго распоряженія“. Что губернаторъ поступаетъ такимъ образомъ, — въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: губернаторъ не былъ бы губернаторомъ, если бы онъ вздумалъ поступать по закону. Но едва-ли приличествуетъ представителямъ земства отказываться отъ правъ, уже предоставленныхъ имъ самимъ Николаемъ II. Чтобы защищать эти права, не приходится „бросать на вѣсы исторіи свое гражданское мужество“, нужны только самыя простыя, или, если угодно выразиться языкомъ „Освобожденія“, самыя „умѣренныя“ дѣйствія — въ данномъ случаѣ такія: данная земская управа посылаетъ губернатору „третье лицо“ на утвержденіе и если, по прошествіи двухъ недѣль, его превосходительство не соизволило дать никакого на это отвѣта, или дало отвѣтъ незаконный (напр., „пріостановить съ назначеніемъ впредь до особаго распоряженія“), она должна немедленно же — на основаніи 286 ст. — считать это „третье лицо“ утвержденнымъ и немедленно же допустить его къ исполненію своихъ обязанностей. Кажется, просто? Вѣдь нужно только „мужество“ дѣйствовать по статьѣ закона, специально на данный предметъ существующей и неотмѣненной... И однако же — ни одна изъ 16 земскихъ управъ Черниговской губ. (15 уѣздныхъ и одна губернская) такъ не поступаетъ!! Представители земствъ Черниговской губ. предпочитаютъ не раздражать законностью мѣстнаго царька-губернатора.

Разумѣется, въ случаѣ конфликта на этой почвѣ, губернаторъ, въ концѣ концовъ, поставилъ бы на своемъ. Но, вѣдь, важенъ здѣсь не „практическій“ результатъ, важно то, чтобы ни одинъ актъ произвола и насилія, учиняемый представителями самодержавія, не оставался безъ протеста, безъ отвѣта... Протестъ — вотъ вполнѣ реальный результатъ отъ предлагаемаго нами въ данномъ случаѣ способа дѣйствія. Черниговскіе же земцы предпочитаютъ покорно подчиняться нахальнымъ распоряженіямъ губернатора. Разскажемъ такой случай.

Приглашаетъ однажды губернская земская управа прежняго состава (съ января этого года дѣйствуетъ новая управа) нѣкоего Х. для завѣдыванія складомъ. Проходятъ двѣ недѣли — отвѣта нѣтъ отъ губернатора; проходитъ еще время — все нѣтъ и нѣтъ. Управа рѣшается вызвать приглашенное лицо въ Черниговъ, думая — и вполнѣ на законномъ основаніи, — что теперь неблагопріятнаго отвѣта отъ губернатора быть не можетъ. Х. пріѣзжаетъ, но... вдругъ отъ губернатора бумага: „не нахожу возможнымъ и т. д.“ Какъ тутъ быть? Сдвинули человѣка съ мѣста, гдѣ онъ, между прочимъ, оставилъ казенную службу (въ Мин. Земл. и Гос. Им.)... Куда же теперь дѣть Х.? Управа въ нерѣшительности. „Умѣренность“ никакъ не выручаетъ, но „обязываетъ“... молчать, отчего Х. нисколько не легче. Наконецъ, помощью какихъ-то протекцій, удалось добиться отъ губернатора разрѣшенія допустить Х. ко всѣмъ должностямъ, исключая службы въ книжномъ земскомъ складѣ. Чрезъ нѣкоторое время въ губернской управѣ открывается мѣсто дѣлопроизводителя, на которое и приглашается Х. Казалось бы, въ виду только что упомянутаго общаго распоряженія губернатора, не было никакой надобности дѣлать специальное представленіе объ Х. Но.. ласковое телятко двухъ матокъ сосетъ — и представленіе дѣлается. Дѣлается такое же представленіе о томъ же Х., когда онъ вздумалъ перейти на другую должность въ томъ же земствѣ; дѣлается еще разъ представленіе о немъ же, когда онъ хотѣлъ занять должность секретаря „Земскаго Сборника“. Вотъ сколько разъ была взвѣшиваема благонадежность Х.! Но въ послѣдній разъ дѣло окончилось нѣсколько иначе: прошло болѣе двухъ недѣль со времени представленія губернатору, а отвѣта никакого не было... Тогда управа нашла въ себѣ „рѣшимость“ назначить Х. на службу. Вдругъ, черезъ нѣкоторое время послѣ того, губернаторъ соизволилъ отвѣтить отказомъ. И опять „умѣренность „обязала“... вытереть губернаторскій плевокъ, какъ говорится, неморгнувши... Х. былъ переведенъ на прежнюю службу

Крымъ. Ялта. Въ половинѣ сентября сюда, въ царскую резиденцію ожидали пріѣзда гг. Обмановыхъ. Еще задолго до пріѣзда царя его свора, какъ мѣстная, такъ и наѣхавшая сюда въ массѣ, принялась очищать городъ отъ всякаго „неблагонадежнаго“ элемента. Какъ это всегда случается, царскіе лакеи и тутъ слишкомъ ужъ переусердствовали. Высылались не только поднадзорные, но и люди, завѣдомо не имѣющіе никакого отношенія къ революціонной дѣятельности, люди, которыхъ одинъ видъ прокламаціи приводитъ въ содроганіе. Вотъ нѣсколько курьезовъ этого чрезмѣрнаго старанія царской челяди. Одинъ изъ мѣстныхъ коренныхъ обывателей, бывшій редакторъ „Крымскаго Курьера“ г. Безчинскій былъ призванъ специально пріѣхавшимъ въ Ялту для очистки генераломъ Шмаковымъ. Можно себѣ представить крайнее недоумѣніе г. Безчинскаго, когда ему было предложено въ теченіе мѣсяца выѣхать изъ Ялты. А и вся-то вина его состоитъ въ томъ, что утромъ 1-го мая, идя по улицѣ, онъ встрѣтилъ мѣстнаго исправника съ кипой прокламацій подъ мышкой и полюбопытствовалъ узнать, что это такое.

А вотъ еще курьезъ: призываетъ тотъ же генералъ Шмаковъ проживающаго въ Ялтѣ бывшаго студента Кузьминскаго и объявляетъ ему, что онъ долженъ выѣхать изъ Ялты въ двѣ недѣли. Очевидно, царскіе холопы находятъ достаточной причиной его знакомство съ поднадзорной интеллигенціей. Мотивировку своимъ произвольнымъ дѣйствіямъ, какъ и всегда, они находятъ совершенно излишней. Весь этотъ штатъ опричниковъ еще болѣе встревожился послѣ похоронъ одного интеллигента Зуева, умершаго въ нашемъ городѣ. Дѣло въ томъ, что гробъ его несли рабочіе и, несмотря на то, что память умершаго почтила своимъ присутствіемъ и тайная и явная полиція, провожая его до могилы,—одинъ изъ несшихъ гробъ рабочихъ сказалъ рѣчь, въ которой назвалъ интеллигента товарищемъ-другомъ рабочихъ. Нѣкоторыхъ изъ провожавшихъ рабочихъ послѣ похоронъ призывали въ участокъ. Смерть этого интеллигента совпала съ слѣдующимъ инцидентомъ. Въ одну изъ мѣстныхъ типографій (Вахтипаза) явилась дама и заказала надпись на красной лентѣ такого содержанія: на одномъ концѣ ленты: „Даромъ ничто не дается... Судьба жертвъ искупительныхъ проситъ!“ на другомъ: „Такъ не спите жъ силы новыя, встаньте, храбрые бойцы!“; въ мѣстѣ прикрѣпленья ленты было напечатано: „У могилы дорогого товарища.“ Полиція, узнавъ о заказѣ, воспретила выдачу уже напечатанной ленты и, связавъ этотъ инцидентъ съ похоронами Зуева, произвела обыскъ въ типографіи.

Мѣстные обыватели и пріѣзжая „курортная“ публика тоже не остаются безъ „отеческихъ“ заботъ и „сердечныхъ“ попеченій царскихъ прислужниковъ. Попеченія эти выражаются въ томъ, что въ Ялту нагнали цѣлую армію шпіоновъ и сыщиковъ, усилили штатъ жандармеріи, проэктируется увеличить штатъ портовой полиціи; словомъ, охрана, достойная самаго главнаго жандарма Николая II. Угодничающая челядь, не довольствуясь рабскою покорностью подданныхъ русскаго царя, старается развить въ нихъ и полицейскія наклонности. Такъ, нѣкоторыхъ мѣстныхъ „благонамѣренныхъ“ обывателей призывали въ участки, гдѣ просили каждаго изъ нихъ съорганизовать человѣкъ 10-15 для охраны царской особы, уговаривая ихъ такими словами: „надо же послужить отечеству и царю-батюшкѣ.“ Роль всѣхъ этихъ добровольныхъ полицейскихъ должна заключаться въ томъ, чтобы стоять шеренгой въ первомъ ряду толпы вдоль тротуара той улицы, по которой проѣдетъ царь въ день пріѣзда. Кстати, всѣ подвалы по этой улицѣ были тщательно осмотрѣны царской полиціей.

---

*) См. № 26 „Искры“.

Самара. По требованію администраціи уволенъ завѣдующій оцѣночно-статистич. бюро Пѣгѣевъ. Вышли въ отставку предс. управы Карамзинъ и два члена управы, не желающіе подчиниться этому произвольному распоряженію. За образцовымъ завѣдующимъ-товарищемъ ушли и всѣ 18 статистиковъ.

Письмо изъ Вятки. Съ весны въ Вяткѣ начинаетъ чувствоваться сильнѣе, чѣмъ прежде, нѣкоторое политическое возбужденіе. По поводу Воткинской исторіи появились прокламаціи, расклеенныя по городу; затѣмъ появились прокламаціи по поводу смерти Сипягина. Часть прокламацій разсылалась и по губерніи. — По городу циркулировала масса слуховъ, которые усиленно поддерживались и распространялись полиціей. Одинъ обыватель чуть не умеръ отъ огорченья, найдя на воротахъ своего дома приклеенную прокламацію: „опозорили меня, говоритъ, да и только“. Полиціи не удалось ничего открыть: съ перепугу ей стали мерещиться всякіе ужасы, ей уже казалось, что въ Вяткѣ будутъ демонстраціи. Къ первому мая были приняты даже чрезвычайныя мѣры охраны, вызвали всѣхъ становыхъ и урядниковъ въ городъ. Урядниковъ размѣстили на заводѣ (подъ самымъ городомъ), а становые сидѣли въ номерахъ Ильина и ждали только сигнала. Въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ тоже были приняты усиленныя мѣры и чуть ли не сама полиція разъясняла, что будетъ демонстрація.

Въ маѣ же происходило въ Вяткѣ посвященіе въ архіереи. Полиціймейстеръ предупреждалъ, что соборъ будетъ взорванъ и т. п. Еще большій переполохъ вызвала полиція въ день 21 мая. Въ этотъ день изъ Вятки въ село Великая-Рѣка ходитъ крестный ходъ, къ которому стекается народъ со всей губерніи. По пути слѣдованія процессіи были распространены прокламаціи двоякаго рода: однѣ изъ нихъ обращались къ крестьянамъ, другія — къ крестьянамъ и рабочимъ. Обѣ начинались словами: „православные христіане!“, а одна даже имѣла въ заголовкѣ крестъ и кончалась словами „аминь“. Въ прокламаціяхъ выставлены требованія отмѣны недоимокъ и выкупныхъ платежей и возврата хлѣбныхъ ссудъ пудъ за пудъ. Распространеніе было совершено настолько чисто, что полиціи не удалось захватить ни одного распространителя. Прокламаціи инымъ попадались цѣлыми пачками и поднявшіе иногда догадывались пустить ихъ въ продажу. На обратномъ пути крестнаго хода была выставлена чуть ли не охранная цѣпь. Получилась для крестьянъ новая натуральная повинность: отъ волости назначили человѣкъ по 8 на стражу: „листки тамъ какіе-то, такъ вотъ смотрѣть, кто бросать будетъ“. Десятскіе — безъ бляхъ — были расположены между богомольцами, чтобы оттуда смотрѣть, кто будетъ бросать. Прокламаціи урядники, дѣйствительно, пособрали, а распространителей такъ и не открыли. Когда потомъ икона Николая должна была двинуться изъ Вятки по городамъ, по тракту были разставлены пикеты изъ крестьянъ.

Въ началѣ августа въ Уржумскомъ уѣздѣ арестовали помощника волостного писаря, у него что-то нашли; жандармы скоро добились отъ него, кто ему далъ литературу; въ результатѣ арестованъ статистикъ Кислицынъ. Оба сидятъ въ Вяткѣ.

У страха глаза велики: въ Малмыжскомъ уѣздѣ власти, перепуганныя крестьянскими толками о раздѣлѣ земель мѣстныхъ богачей, отправили въ уѣздъ мѣстную команду, которая съ барабаннымъ боемъ обошла деревни.

Спросъ на нелегальную литературу значительный, особенно на литературу для крестьянъ.

Для многихъ изъ нашихъ товарищей событія послѣдняго времени явились большой неожиданностью. По отношенію къ вопросамъ, выдвинутымъ крестьянскимъ движеніемъ, приходится наблюдать всѣ переходныя ступени отъ полной растерянности и капитулированія предъ нимъ до вѣрнаго пониманія значенія этого движенія. Вообще, около этого вопроса вертятся споры и въ этомъ направленіи работаетъ мысль. Къ сожалѣнію, соц.-дем. литературы здѣсь всего меньше. Благодаря этому, въ понятіяхъ мѣстной радикальной публики царитъ сумбуръ, полное смѣшеніе всѣхъ программъ. Мѣстная молодежь формируется подъ вліяніемъ несоц.-демократическихъ идей и скорѣе склоняется къ соціал-революціонизму именно потому, что для послѣдняго ясность программы, дальнѣйшія перспективы не важны, важенъ ближайшій эффектъ.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

Воронежская губ. Среди нашихъ земскихъ начальниковъ нерѣдко попадаются люди, лишенные самой обыденной добропорядочности. Такъ, напр., въ Землянскомъ уѣздѣ нашей губерніи въ теченіе 10 лѣтъ былъ земскимъ начальникомъ нѣкій Матвѣевъ, который бралъ взятки „съ живого и мертваго“, причемъ не брезговалъ даже курами и яйцами. Въ одномъ селѣ, по поводу передѣла земли, отношенія между крестьянами обострились на столько, что образовались двѣ враждующія партіи. Тогда одна партія стала открыто собирать деньги „на земскаго“ и вручила Матвѣеву 400 руб.; оказывается, что другая партія въ это время также не дремала: съ своей стороны собрала 400 руб. и передала ихъ тому же Матвѣеву черезъ его письмоводителя... Всѣ эти поборы въ теченіе 10 лѣтъ страшно возмущали крестьянъ, которые приносили много жалобъ на Матвѣева, но всѣ эти жалобы, какъ водится, не имѣли никакого успѣха. Наконецъ, крестьяне отправили своихъ уполномоченныхъ въ Царское Село, гдѣ они вручили свою жалобу наслѣднику. Послѣ этого уже нельзя было прикрывать Матвѣева: ему предложено было выйти въ отставку, но за его усиленные труды по собиранію взятокъ ему дана увеличенная пенсія въ 1100 руб. въ годъ, вмѣсто 500 р. Такъ награждаетъ правительство даже такихъ негодяевъ, какъ Матвѣевъ.

Другой земскій начальникъ въ Землянскомъ уѣздѣ, Богдановичъ, не только обираетъ крестьянъ, но даже надулъ предводителя дворянства Алехина. Богдановичъ продалъ по частной роспискѣ свое имѣніе Алехину, а затѣмъ, получивъ съ него деньги, продалъ это же имѣніе другому лицу по крѣпостному документу. Когда Богдановичу послѣ этого замѣтили, что Алехинъ будетъ на него жаловаться, то Богдановичъ сказалъ: „Алехинъ не посмѣетъ жаловаться, у него самого рыльце въ пушку“. Дѣйствительно, Алехинъ, какъ говорятъ, много „хапнулъ“, когда возводилъ церковь на доброхотныя даянія.

Отношенія между крестьянами и помѣщиками все болѣе обостряются. Въ селѣ Петровскомъ Землянскаго уѣзда крестьяне просили владѣльца экономіи Стрижевскаго сдать имъ землю, но Стрижевскій не исполнилъ этой просьбы и сдалъ свое имѣніе въ одни руки какому-то арендатору. Вскорѣ послѣ этого загорѣлись сначала надворныя постройки, а потомъ черезъ нѣкоторое время сгорѣлъ громадный барскій домъ. Теперь арендаторъ уже самъ отказывается отъ аренды.

Въ настоящее время всѣ земскіе начальники Воронежской губерніи получили отъ своего губернатора секретное предписаніе: объѣхать свои участки и внушить крестьянамъ, что они не должны надѣяться на какія-либо нарѣзки земли или на передѣлы, что равнымъ образомъ крестьяне не должны слушаться „злонамѣренныхъ“ лицъ, распространяющихъ среди нихъ „вредныя“ книги и листки, а должны этихъ людей представлять по начальству!

Крестьянскія настроенія (изъ Чернигова). Передъ зданіемъ уѣзднаго съѣзда собралась толпа крестьянъ въ ожиданіи „праваго суда“. Среди одной группы какой-то грамотѣй громко читаетъ курскую рѣчь царя къ крестьянамъ, которую мѣстный помпадуръ издалъ отдѣльнымъ приложеніемъ къ „Губ. Вѣд.“ и распространилъ чрезъ полицію въ большомъ количествѣ экземпляровъ. „Ты впередъ нагодуй (т. е., ты впередъ накорми!)“, раздается вдругъ голосъ одного крестьянина. „Да вінъ-же на кінці обіцяе“..., иронически вторитъ какой-то другой слушатель...

Въ одномъ мѣстечкѣ Козелецкаго уѣзда во время Полтавскихъ событій сходъ рѣшилъ: подождемъ три недѣли... побачимъ, якъ буде въ Полтавской губ., а тади и сами начнемъ“... Въ другомъ селѣ того-же уѣзда, по поводу знаменитаго высочайшаго повелѣнія о наложеніи на крестьянъ контрибуціи, мѣстные мужики выражались такимъ образомъ: „де-жъ тутъ справедливость?! облагать тыхъ, котори маютъ землю и не бунтовали! За такую справедливость треба бунтовать... Це — разбой“. А вотъ что намъ пришлось услышать отъ одного крестьянина Переяславскаго уѣзда Полтавской губ., съ которымъ намъ случилось недавно бесѣдовать. Мой собесѣдникъ говорилъ, что тяжелое положеніе крестьянъ создается малоземельемъ, и на мой вопросъ, какъ думаютъ крестьяне жить дальше, отвѣтилъ буквально такъ: „А будетъ то, что за кѣмъ будетъ сила, за тѣмъ будетъ и право“. На замѣчаніе же наше, что одна сила вызываетъ другую силу — штыки, пули, нагайки, крестьянинъ, не задумываясь, отвѣтилъ: „чего намъ бояться смерти?! Все равно, вѣдь, и такъ придется помирать отъ голода“.

Въ одномъ мѣстечкѣ того же Козелецкаго уѣзда были обыски у нѣкоторыхъ крестьянъ, окончившихъ (при содѣйствіи мѣстной интеллигенціи) разныя учебныя заведенія (фельдшерскую школу, учительскую семинарію и т. п.). По поводу этихъ обысковъ крестьяне громко, прямо на базарѣ, выражались такимъ образомъ: „жандармы обыскиваютъ тѣхъ изъ насъ, которые вышли въ люди... Имъ не нравится, что нашъ братъ становится паномъ“. Въ той же мѣстности имѣется попъ-доносчикъ. Съ нимъ у крестьянъ такая вражда, что однажды крестьяне чуть не вытащили его изъ алтаря. Противъ „зачинщиковъ“ возбуждено дѣло. Недавно тотъ же священникъ въ церкви, во время произнесенія имъ проповѣди, былъ ошиканъ народомъ.

Изъ Пермской губ. нам пишутъ: Въ августѣ арестовано 100 чел. крестьянъ Ильинской вол. Пермскаго уѣзда за сопротивленіе властямъ. Администрація находящейся въ этой мѣстности дачи гр. Строганова начала принимать усиленныя мѣры противъ порубокъ въ лѣсахъ. Эти мѣры, въ концѣ концовъ, такъ возмутили крестьянъ, что громадной толпой они двинулись въ лѣсъ и произвели порубку. Явившаяся лѣсная стража была разогнана. Въ результатѣ — дѣло; 18 чел. сидятъ въ Перми, остальные по уѣзднымъ тюрьмамъ.

Къ заботамъ о голодающихъ (изъ Вятской губ.). Голодъ и въ этомъ году грозитъ посѣтить нѣкоторые изъ нашихъ уѣздовъ, напр., Вятскій и Глазовскій: рожь почти совсѣмъ не уродилась. Особенно плохъ урожай въ послѣднемъ уѣздѣ: даже по разсчету земскихъ начальниковъ нужно выдать населенію болѣе милліона пудовъ. Рожь для посѣва страшно запоздала и частью пришла уже по истеченіи времени сѣва. Рожь доставлялась съ пристани Левшино на Камѣ; отправкой завѣдывалъ уполномоченный м-ва фин. Турбинъ. Турбинъ телеграфировалъ вятскимъ властямъ: „провѣрка вѣса не требуется; принимайте по счету мѣшковъ“. Но увы! Когда принимавшіе, по собственному, вѣроятно, опыту зная, какъ легко прилипаетъ къ рукамъ хлѣбъ для голодающихъ, отнеслись недовѣрчиво къ такому заявленію и начали пріемку по вѣсу, то оказалась въ каждомъ вагонѣ нехватка — въ 70 пуд., а всего не хватило около 15000 пуд.! Теперь очевидно, почему „нашъ обожаемый монархъ“ не совѣтовалъ въ своей Курской рѣчи къ крестьянамъ грабить чужое добро: эту профессію онъ монополизировалъ, видно, въ пользу свою и своихъ чиновниковъ.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ

и

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ ВЪ БѢЖИЦѢ.

(Заводъ Брянскаго акціонернаго общества).

(Окончаніе).

II.

„Въ средѣ самихъ рабочихъ „бунтъ“ 1898 г. остался всетаки нѣкоторымъ свѣтлымъ событіемъ, очевидно, потому, что здѣсь, хотя и въ грубой формѣ, рабочій далъ впервые почувствовать заводу свою личность. Во всякомъ случаѣ этотъ „бунтъ“ нисколько не обезкуражилъ рабочихъ и не прекратилъ рабочаго движенія на Брянскомъ заводѣ. Послѣдующіе факты ярко доказали это. Въ октябрѣ того же года, т. е. всего черезъ 4 мѣс. послѣ „бунта“, рабочіе нѣсколькихъ цѣховъ забастовали и выставили опредѣленныя требованія къ заводу. Стачка продолжалась около 8 дней; проведена она была очень единодушно и выдержанно и почти всѣ требованія рабочихъ удовлетворены. Былъ смѣненъ начальникъ механической мастерской, отличавшійся своими подлостями, Мускинъ; вывѣсили табель съ расцѣнками, хотя очень оригинальную: въ ней были расцѣнки для какого-нибудь десятка работъ, указанныхъ въ самой общей формѣ, такъ что реальнаго значенія эти табели никакого не имѣли. Плату стали выдавать два раза въ мѣсяцъ и т. д. Вскорѣ послѣ этой стачки былъ выпущенъ на заводѣ листокъ, въ которомъ подводились итоги стачкѣ и рабочіе приглашались продолжать удачно начатую борьбу съ хозяевами.

Въ началѣ сентября въ Орлѣ былъ арестованъ интеллигентъ Родзевичъ; затѣмъ изъ Москвы были привезены Русановъ и Островъ; далѣе въ Орлѣ былъ арестованъ Ильинскій, затѣмъ Квиткинъ, Смирновъ и Кварцевъ (привезенъ изъ Сумъ). Кромѣ того постепенно были привезены въ Орловскую тюрьму рабочіе Ефимовъ, Лавриновичъ и Жмуркинъ. Интеллигенты всѣ были арестованы по разнымъ дѣламъ, не имѣвшимъ отношенія къ дѣламъ Бѣжицы. Но затѣмъ у Родзевича было установлено какое-то отношеніе къ Брянскимъ рабочимъ. Тогда слѣдователи рѣшили изъ всѣхъ арестованныхъ создать одно сообщество, на которое и возложить отвѣтственность за брянскія дѣла. Арестованныхъ терзали нелѣпыми вопросами, ничѣмъ необоснованными подозрѣніями и выпустили приблизительно въ мартѣ 1899 г., не приведши дѣло ни къ какому результату.

Между тѣмъ движеніе въ Бѣжицѣ вступило въ старую колею — кружковой пропаганды, кружкового развитія. Спросъ на нелегальную литературу сильно возрастаетъ, но достаютъ ее рабочіе съ большимъ трудомъ. Рабочіе собираютъ между собой деньги на покупку книгъ и заводятъ довольно большую легальную библіотеку. Изрѣдка собираются большими компаніями и читаютъ сообща или бесѣдуютъ. Весь 1899 г. прошелъ въ такомъ постепенномъ и тихомъ развитіи. Въ январѣ 1900 г. дѣлаютъ обыскъ у трехъ интеллигентовъ въ Орлѣ: Квиткина, Острова и Русанова, и затѣмъ черезъ день Квиткина арестуютъ. Вскорѣ въ Орелъ изъ Бѣжицы увозятъ нѣсколькихъ рабочихъ (Жмуркина вторично, Ранкевича, Мишанова, Лосицкаго, Худосовцева, Сычева и др.). Оказывается одинъ изъ молодыхъ рабочихъ, у котораго при обыскѣ что-то нашли, испугался угрозъ брянскаго ротмистра Петрова и многое поразсказалъ.

Но съ этими арестами самостоятельное движеніе среди рабочихъ не прекращается. Оно вылилось въ опредѣленную нами форму и въ такомъ видѣ продолжалось въ теченіи 1900 г. Въ концѣ 1900 г., передъ Рождествомъ, были выпущены въ небольшомъ количествѣ маленькіе листки по поводу неуплаты администраціей завода заработанныхъ денегъ въ срокъ. Листки произвели свое дѣйствіе: рабочая плата была немедленно выдана.

Весь 1900 г. настроеніе рабочихъ прогрессивно обострялось. Промышленный кризисъ сказался и на Брянскомъ акціонерномъ обществѣ — этой одной изъ самыхъ прочныхъ акціонерныхъ компаній. Собственно при большей энергіи и дѣловитости администраторовъ компанія всегда могла обойтись безъ сокращенія производства. Но привычка получать огромные барыши (въ одномъ изъ отчетовъ общества, которые лежатъ на столѣ Бѣжицкаго клуба, было указано при валовомъ оборотѣ въ 56 мил. (валовой доходъ — 4 мил. чистой прибыли) при полной халатности побудила заводскую администрацію пополнять уменьшеніе кушей обычнымъ давленіемъ на рабочихъ: начались небывалые штрафы, небывалыя браковки; расцѣнки страшно упали; и наконецъ, стали распускать рабочихъ. Температура рабочей массы отъ всѣхъ этихъ стѣсненій поднималась. Рабочіе представляли изъ себя порохъ, въ который достаточно было бросить одинъ горячій „листокъ“, чтобы взорвать весь заводъ на воздухъ. Но листковъ не появлялось, и рабочіе терпѣли. Только стремленіе къ самообразованію проявлялось все сильнѣе, все лихорадочнѣе. Въ половинѣ апрѣля 1901 г. на заводѣ произведены были обыски и арестовано и отвезено въ Орелъ 6 человѣкъ рабочихъ: Степановъ, Самойловъ, Мишановъ (2 разъ), Лосицкій (2 разъ), Ранкевичъ (2 разъ), Сычевъ (2 разъ), одновременно съ этимъ были арестованы въ Орлѣ интеллигенты: Квиткинъ (3 разъ), Колышкевичъ (2 разъ), Русановъ (3 разъ) и Островъ (4 разъ). Обыски произведены были на основаніи временныхъ правилъ объ усиленной охранѣ въ виду ожидавшихся 1 мая повсемѣстныхъ рабочихъ демонстрацій. Поэтому арестованные черезъ 4 недѣли были выпущены, кромѣ Степанова, Самойлова и Острова, которые обвинялись по новому дѣлу, и Сычева, оставленнаго отбывать наказаніе по предыдущему дѣлу. Новое дѣло состояло въ томъ, что у Самойлова нашли нелегальную литературу и онъ выдалъ Петрова, Степанова и затѣмъ Острова, а также запачкалъ и другихъ. Былъ установленъ фактъ сношеній Острова съ рабочими и распространеніе имъ среди нихъ нелегальной литературы. Дѣло опять было оформлено. Такимъ образомъ 1901 г. закончился обысками и арестами.

Въ общемъ, если окинуть бѣгло всю исторію рабочаго движенія на Бѣжицѣ, начиная съ 1897 г., то это движеніе представится намъ въ видѣ медленнаго развитія рабочихъ путемъ пропаганды и отчасти неширокой устной агитаціи. Какихъ-либо крупныхъ организованныхъ демонстрацій въ Бѣжицѣ не было. Но одно можно отмѣтить въ этой исторіи: для наблюдателя, который видѣлъ рабочую Бѣжицкую массу въ 1897-98 г. и затѣмъ въ 1901-902 г.г., рѣзко замѣтенъ подъемъ сознательности этой массы, широкое распространеніе среди нея всѣхъ общественно-политическихъ запросовъ, которые возникали въ 90 годахъ лишь въ головахъ немногихъ рабочихъ. Безусловно, что въ настоящій моментъ Бѣжицкіе рабочіе представляютъ изъ себя чрезвычайно пригодный матеріалъ для воспріятія самыхъ широкихъ политическихъ идей...

Смоленскъ. Рабочее населеніе Смоленска — это преимущественно евреи изъ мелкихъ мастерскихъ ремесленнаго типа съ 2-3, рѣдко съ 8-10 рабочими. Большинство этихъ мастерскихъ работаетъ на магазины, что, конечно, сильно отражается на положеніи рабочихъ, такъ какъ изъ одной и той же шкуры приходится выдѣлывать двѣ шубы: одну — хозяину-посреднику, а другую — оптовому торговцу-заказчику. Особенно тяжело положеніе работницъ въ женскихъ мастерскихъ, гдѣ къ обычной эксплуатаціи труда присоединяются еще невозможно тяжелыя квартирныя условія и весь такъ-наз. „отеческій“ режимъ: почти всѣ работницы живутъ на квартирахъ хозяевъ, вмѣстѣ съ ихъ семьями. О заработной платѣ и говорить, конечно, нечего: она „ниже всякаго минимума“, по выраженію одного рабочаго. Что касается рабочаго дня, то въ послѣдніе годы было нѣсколько попытокъ свести его къ законной десятичасовой нормѣ. Первая попытка относится къ 1898 г. Затѣмъ, въ 1900 г. рабочіе подавали губернатору коллективное заявленіе о тяжелыхъ санитарныхъ условіяхъ въ большинствѣ мастерскихъ и о рабочемъ днѣ. Въ результатѣ этого заявленія былъ устроенъ черезъ полицію осмотръ мастерскихъ и опросъ рабочихъ, но при осмотрѣ, конечно, многаго не разглядѣли, а при опросѣ большинство рабочихъ, особенно женскихъ мастерскихъ, было такъ запугано предварительно хозяевами, что не рѣшилось указать истинное положеніе дѣлъ, а для полиціи, конечно, чего же лучше, если „все обстоитъ благополучно“! Такъ изъ этого ничего и не вышло. Только съ прошлаго 1901 года здѣсь начинается болѣе или менѣе осмысленное движеніе среди евреевъ-ремесленниковъ, хотя оно все-таки напоминаетъ болѣе суетню, чѣмъ дѣйствительное движеніе. Съ того времени было нѣсколько стачекъ, но за исключеніемъ двухъ-трехъ, всѣ онѣ были столь незначительны какъ по содержанію, такъ и по количеству участниковъ, что для нихъ слишкомъ громко даже названіе стачки. Требованія не выходили изъ обычныхъ границъ — рабочій день, плата, помѣщенія, обращеніе хозяевъ и т. п. Большинство еврейскихъ рабочихъ — народъ молодой, юноши и даже дѣти. Наиболѣе важными тормазами для развитія сознательнаго движенія является почти поголовное незнаніе рабочими русской грамоты — это во-первыхъ, а во-вторыхъ — безобразныя квартирныя условія: рабочіе почти все время проводятъ на глазахъ хозяина и его семьи, а хозяева даже къ чтенію обыкновенной книжки относятся съ большой подозрительностью, не говоря уже о нелегальныхъ изданіяхъ. Есть мастерскія со смѣшаннымъ составомъ рабочихъ — но русскіе ремесленники стоятъ еще ниже еврейскихъ — большинство изъ нихъ пьетъ горькую и до сихъ поръ проявляетъ мало склонности къ болѣе осмысленной жизни. Это роняетъ ихъ въ глазахъ евреевъ-рабочихъ и нерѣдко создаетъ взаимную вражду. Впрочемъ, нужно сказать, что за послѣднее время и въ этомъ отношеніи замѣтенъ нѣкоторый успѣхъ: на бывшемъ здѣсь мирномъ первомайскомъ праздникѣ можно было видѣть и русскія физіономіи. Изъ болѣе крупныхъ заведеній съ исключительно почти русскимъ составомъ рабочихъ можно указать только на два: бабиночную фабрику Гергарда съ 200 рабочихъ и кафельный заводъ Будникова съ 150 раб. Но уже по самимъ техническимъ условіямъ этихъ производствъ уровень развитія рабочихъ не можетъ быть сколько-нибудь высокимъ. Это — по большей части полурабочіе-полукрестьяне, не порвавшіе еще довольно тѣсной связи съ деревней. Поставляютъ рабочихъ на эти фабрики ближайшія деревни, разбросанныя ок. Смоленска верстахъ въ 3-5.

Изъ другихъ элементовъ пролетарскаго типа можно указать на торговыхъ прикащиковъ, заявившихъ недавно, хотя и въ очень слабой степени, о своемъ существованіи. Трудно, конечно, ожидать, чтобы прикащичье движеніе приняло сколько-нибудь солидные размѣры, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, такъ какъ это какъ разъ та именно среда, гдѣ мѣщанство въ самыхъ свирѣпыхъ его формахъ свило себѣ наиболѣе прочное гнѣздо. Лѣтомъ этого года было нѣсколько стачекъ прикащиковъ (въ магазинахъ Якобсена, Ланина, Англійскомъ и др.) съ тѣми же требованіями, что и у ремесленниковъ.

Изъ наиболѣе интересныхъ событій мѣстной жизни послѣдняго времени нужно отмѣтить образованіе соц.-демократической группы, выпустившей въ августѣ и сентябрѣ этого года двѣ прокламаціи — одну къ прикащикамъ, а другую — къ обществу по поводу насилій надъ заключенными въ здѣшней тюрьмѣ. Подписаны онѣ были „Смоленскимъ соц.-демократ. комитетомъ“. Существеннымъ ихъ недостаткомъ была ихъ неудобочитаемость и крайне жалкій внѣшній видъ, вслѣдствіе чего онѣ совершенно не могли импонировать обывателю. Но надо надѣяться, что въ дальнѣйшей своей дѣятельности молодой комитетъ справится съ техническими затрудненіями.

Въ Нѣжинѣ, Черниговской губ., была стачка 65 чел. портныхъ ремесленниковъ (дамскихъ и мужскихъ). Требуютъ: одни сокращенія рабочаго дня до 12 и до 14 часовъ въ сутки, другіе — увеличенія поштучной платы. Четверо рабочихъ уже арестовано.

Астрахань. Въ нашемъ городѣ уже нѣсколько лѣтъ замѣчаются проявленія рабочаго движенія. Пока это движеніе носитъ стихійный характеръ: стачки происходятъ безъ всякаго заранѣе обдуманнаго плана, безъ руководства. Такія забастовки были устроены въ прошломъ году на лѣсныхъ пристаняхъ чернорабочими и грузчиками. Всего забастовало около 200 чел. Было выставлено требованіе увеличенія платы. Продержались около дня, и можно сказать, что выиграли. Хозяева не обращались къ полиціи и постарались сами уладить дѣло. Такая же забастовка была и на пристани Дембота. Пароходъ съ баржами были готовы, а команда отказалась идти на баржи. Въ этотъ разъ забастовало чел. 30-40. Въ виду того, что убытки отъ простоя парохода подъ парами огромны, администрація уже согласна была уступить, но нагрянула рѣчная и городская полиція и силой принудила рабочихъ пойти на баржи и занять свои мѣста. Рабочіе Дембота не выставляли никакихъ требованій улучшенія своего положенія, домогаясь окончательнаго разсчета. Слѣдуетъ замѣтить, что фирма Демботъ въ отношеніи обиранія рабочихъ перещеголяла здѣсь всѣ другія. Такое грубое обираніе, какъ у Дембота, рѣдко встрѣтишь, если не считать мелкихъ пароходчиковъ, о которыхъ мы поговоримъ въ другой разъ. Какъ всегда бываетъ, эти случайныя и стихійныя забастовки заставили призадуматься многихъ рабочихъ. Призадумались и предприниматели и стали все чаще и чаще страховать рабочихъ, чтобы свалить съ своихъ плечъ на страховыя общества плату за увѣчья и прочіе несчастные случаи. Задумалась и администрація съ фабричнымъ инспекторомъ (изъ „либераловъ"). Задумалась и полиція, и въ результатѣ своихъ размышленій обратилась въ городскую думу съ предложеніемъ ассигновать извѣстную сумму на содержаніе нѣсколькихъ тайныхъ агентовъ и одного главнаго, въ виду того, что полиція больше не въ силахъ уже справляться съ врагами. Говорятъ, что лѣтомъ, проѣздомъ, былъ у насъ „самъ" архишпіонъ Зубатовъ и оставилъ здѣсь на время свой хвостикъ, главныя же свои „силы" онъ направилъ на гастроли въ Тифлисъ и Баку.

Интересный случай имѣлъ этимъ лѣтомъ мѣсто среди бондарей на форпостѣ. Въ бондарныхъ заведеніяхъ работаютъ по 200 и болѣе чел. Все это ужъ болѣе или менѣе „чистые" пролетаріи, но ряды ихъ постоянно пополняются выходцами съ верховьевъ Волги, элементомъ довольно коснымъ. Большимъ вліяніемъ пользуются старики. Проникнуть въ эту среду чрезвычайно трудно. Книга здѣсь тоже не въ ходу. Но хищническая эксплуатація, энергично охраняемая фабричнымъ инспекторомъ и полиціей, „раскачиваетъ" и эту среду. Хозяева бондарныхъ заведеній нанимаютъ своихъ рабочихъ на два срока: отъ 1 октября до 1 марта, на зимнія работы, и отъ марта до октября, на лѣтнія. Разница въ цѣнѣ бываетъ постоянно очень значительна. Но въ этомъ году, въ виду того, что было много наготовленнаго товара, въ рыбныхъ же дѣлахъ произошла заминка, крупные хозяева не стали дѣлать прибавокъ на лѣто. Рабочіе сначала отказались заключать условія, но нужда заставила пойти на уступки. Къ тому же они надѣялись, по примѣру прежнихъ лѣтъ, получить значительные задатки. Оказалось, однако, что фабричный инспекторъ распорядился задатковъ не выдавать. Это ужъ превысило мѣру долготерпѣнія, и 28 іюля бросили работу на четырехъ заводахъ, всего чел. 250-300. Продержались они до 31 іюля. На одномъ заводѣ добились прибавки. „Побѣдители", ободренные своимъ успѣхомъ, стали подговаривать своихъ товарищей тоже бросить работу. Нашлось нѣсколько десятковъ смѣльчаковъ изъ молодыхъ (кто говоритъ, что ихъ было чел. 50-60; другіе, — что болѣе ста), которые прошлись съ музыкой по главной улицѣ и требовали пріостановки работъ. Первый день прошелъ тихо, но на второй хозяева дали знать уѣздной полиціи и земскому начальнику. Полиція почему-то воздержалась отъ репрессалій (помнитъ, вѣроятно, „холерный бунтъ" 1892 г.), но за нарушеніе тишины было взято 11 чел. Изъ нихъ 10 чел. приговорены земскимъ начальникомъ къ аресту на семь сутокъ, а одинъ, за оскорбленіе городового, на три недѣли.

Красноярскъ. 13 сентября нашъ городъ былъ пораженъ невиданнымъ зрѣлищемъ: черезъ весь городъ, отъ мастерскихъ до губернскаго правленія, прошли желѣзнодорожные рабочіе въ полномъ составѣ (полторы тысячи человѣкъ). Дѣло въ томъ, что по правиламъ „получка" въ здѣшнихъ мастерскихъ должна происходить два раза въ мѣсяцъ, 12 и 27 числа. Обыкновенно же платятъ 15-17 и 1-2; это всегда раздражало рабочихъ, и они не разъ уже выражали свое неудовольствіе, но на это не обращали вниманія. 11 сентября рабочіе напомнили начальнику мастерскихъ о предстоящей уплатѣ, и онъ обѣщалъ уплатить 13-го; утромъ 13 онъ подтвердилъ свое обѣщаніе, а часовъ въ 10 объявилъ, что получки не будетъ. Сейчасъ же раздался свистокъ къ прекращенію работъ; рабочіе заволновались и послѣ совѣщаній, увѣщаній, а въ нѣсколькихъ случаяхъ и зуботычинъ, всѣ поголовно отправились къ губернатору. Попытки полиціи задержать шествіе (ограничивались увѣщаніями) окончились безуспѣшно, и процессія прибыла къ Губернскому Правленію. Здѣсь ее встрѣтилъ полиціймейстеръ и предложилъ рабочимъ избрать депутатовъ для переговоровъ; они отказались. Тогда полиціймейстеръ самъ выбралъ четырехъ человѣкъ, а остальнымъ предложилъ разойтись. Рабочіе не уходили, пока депутаты не вышли изъ Губ. Правленія и не предложили имъ уйти къ мастерскимъ и тамъ ждать отвѣта. Изъ Губ. Правленія депутаты были приглашены къ губернатору. Здѣсь былъ составленъ протоколъ о случившемся, причемъ вся вина возложена на администрацію мастерскихъ; затѣмъ губернаторъ просилъ депутатовъ успокоить товарищей и обѣщалъ, что съ 3 час. начнутъ уплату, при чемъ этотъ день не будетъ вычтенъ. Сейчасъ же былъ вытребованъ къ губернатору начальникъ мастерскихъ; губернаторъ далъ ему 6.000 руб. и предложилъ немедленно принять мѣры, чтобы всѣ рабочіе получили плату. Съ 3 час. началась уплата. На другой день появилась прокламація Комитета и еще одна, безъ подписи, гектографированная, по содержанію мало отличающаяся отъ комитетской.

Лѣтомъ здѣсь были убиты два ночныхъ сторожа. Вице-губернаторъ (и. д. губернатора) вошелъ съ докладомъ, чтобы убійцъ судили военно-полевымъ судомъ, такъ какъ убитые были чинами полиціи при исполненіи своихъ обязанностей. Ходатайство это уважено; 19-го убійцъ судили и приговорили къ смертной казни черезъ повѣшенье! Осужденные — молодые люди 22-24 лѣтъ.

Намъ пишутъ изъ Сибири: 16 августа на ст. Еланское Енисейской губ. въ депо забастовали всѣ рабочіе, 93 чел., требуя удаленія монтера. Начальникъ тяги явился и сказалъ, что не можетъ ихъ удовлетворить. Однако, къ слѣдующему же дню дано было знать рабочимъ, что ихъ требованіе исполнено. Каково же было возмущеніе рабочихъ, когда, явившись на работу, они узнали, что десять ихъ товарищей удалены изъ депо. Всѣ снова бросили работу; стачка продолжалась еще три дня. Но къ 19-му были приглашены рабочіе запасные изъ Красноярска, и болѣе малодушные уступили, а за ними пошли работать и остальные. Въ результатѣ 27 чел. уволено, а 13 сами ушли.

ИЗЪ ПАРТІИ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ОТЪ ГР. „ЮЖНАГО РАБОЧАГО"

Шатаніе въ области теоріи, хаосъ и разрозненность въ дѣятельности, господствующіе въ настоящее время среди дѣйствующихъ въ Россіи товарищей, никогда еще не давали себя такъ сильно чувствовать, никогда еще не проявлялись такъ рельефно, какъ въ данный моментъ. Если изолированная, ограниченная кружковая дѣятельность начала девяностыхъ годовъ и примитивныя формы рабочаго движенія середины тѣхъ же девяностыхъ годовъ по своей опредѣленности и несложности могли мириться съ подобнымъ состояніемъ дѣйствующихъ силъ, то въ настоящій моментъ, когда социалдемократія можетъ и должна развернуть всю свою сложную дѣятельность, устраненіе подобной дезорганизованности является главнѣйшей и насущнѣйшей задачей, передъ которой блѣднѣетъ все остальное. Партія, долженствующая сыграть роль крупной общественной силы въ рѣшеніи будущности Россіи, такая партія не можетъ довольствоваться господствующимъ кустарничествомъ; она должна сложиться въ прочную, строго солидарную, централизованную и объединенную общей программой организацію, группирующуюся вокругъ извѣстнаго духовнаго ядра, дающаго общее направленіе дѣятельности. Только подобное оседининіе можетъ дать партіи возможность выполнить всю ту сложную задачу, которую она на себя беретъ. Нельзя сказать: „пусть устроятся мѣстныя дѣла, тогда позаботимся объ общихъ". Подобный взглядъ представляетъ упрощеніе дѣятельности. Необходимо проникнуться убѣжденіемъ, что не могутъ быть мѣстныя дѣла въ настоящее время внѣ общихъ, что пока не будутъ рѣшены общіе вопросы, пока не будетъ покончено съ нашей дезорганизованностью, всякая работа будетъ топтаніемъ на мѣстѣ. Но для этого недостаточно одного лишь призыва къ объединенію. Необходимо подойти къ вопросу болѣе конкретно, болѣе активно. Для этого прежде всего необходимо каждому дѣятелю, каждой группѣ, каждой организаціи, точно опредѣлить свое отношеніе къ цѣлому ряду вопросовъ, волнующихъ вотъ ужъ почти три года дѣйствующихъ товарищей.

Пора покончить съ неопредѣленностью. Пора каждому опредѣлить свое мѣсто, высказать въ недвусмысленной формѣ все, чего онъ хочетъ, къ чему стремится, и провести это на практикѣ. Мы думаемъ, что въ настоящее время достаточно рѣзко опредѣлились различныя теченія. Кто не смогъ разобраться въ нихъ до сихъ поръ, кто изъ-за внѣшней шелухи и личныхъ недоразумѣній, не видитъ сущности, тотъ, вѣроятно, уже не увидитъ ея. Не къ нимъ мы обращаемся. Мы обращаемся ко всей массѣ тѣхъ товарищей, которые горячо жаждутъ скорѣйшаго и прочнѣйшаго, не бумажнаго, но реальнаго объединенія силъ, которые глубоко чувствуютъ весь вредъ современной смуты.

Съ своей стороны, мы дѣлаемъ шагъ въ этомъ направленіи. Признавая организацію „Искры" единственной за послѣдніе два года организаціей, съумѣвшей при господствующихъ спутанности и шатаньи сохранить строгую принципіальность и безстрашно бороться противъ всякихъ теченій, стремившихся свернуть такъ блестяще начавшееся революціонное движеніе съ единственно правильнаго пути, мы, солидарные съ этой организаціей въ вопросахъ программы, тактики и организаціи, присоединяемся всецѣло къ ней, обязуясь работать совмѣстно надъ дѣломъ фактическаго возстановленія Россійской соц.-демократ. рабочей партіи.

Во избѣжаніе недоразумѣній, мы считаемъ своимъ долгомъ заявить, что мы далеки отъ мысли утверждать, что за два года во всей той громадной работѣ, которую выполнила за это время организація „Искры", не было никакихъ ошибокъ и пробѣловъ. Мы только думаемъ, что эти ошибки не на столько важны, чтобы онѣ могли служить препятствіемъ къ соединенію, что онѣ легко устранимы, если необходимость объединенія глубоко проникнетъ въ сознаніе всѣхъ дѣйствующихъ товарищей, и дѣло предпринятое „Искрой" за свой страхъ и рискъ, станетъ нашимъ общимъ дѣломъ.

Группа „Южнаго Рабочаго".

Изданы прокламаціи: Кіевскимъ Комитетомъ — къ кіевскимъ слесарямъ (отъ 16 сент.); Одесскимъ Ком. — „къ новобранцамъ" (печ.); Екатеринославскимъ Ком. — „Ко всѣмъ гражданамъ Екатеринослава (по поводу тюремныхъ насилій) и 2) Къ кондукторамъ и вагоновожатымъ трамвая (обѣ печатныя); Красноярскимъ Ком. — къ раб. жел.-дор. мастерскихъ (отъ 14 сент., печ.); Харьковскимъ Ком. — 1) о судѣ надъ крестьянами (въ 1.100 экз.) и 2) къ раб. жел.-дор. мастерск. (по поводу несчастнаго случая съ двумя рабочими), обѣ гектогр.; Нижегородскимъ Ком. — 1) „Почему русскому рабочему нужна политическая свобода?" (печ.), 2) Ко всѣмъ рабочимъ (августъ). 3) О солдатчинѣ (къ крестьянамъ и рабочимъ), 4) По поводу назначенія фон-Валя, 5) Къ рабочимъ и работницамъ Куликовской фабрики въ гор. Васильсурскѣ; Донскимъ Ком. — Ко всѣмъ раб. главн. мастерскихъ Владикавказской ж. д. (отъ 3 октяяря, гектограф.); Кишиневской объединенной соц.-демокр. орган. -- „Ко всѣмъ рабочимъ" (печ.).

Одесскимъ Комит. изданъ № 2 газ. „Раб. Слово" (15 окт.); печатано въ тип. Комитета.

Нижегородскимъ Комит. изданъ отчетъ за первые восемь мѣсяцевъ его дѣятельности (1 окт. 1901 г. по 1 іюня 1902 г.). Заимствуемъ изъ него слѣдующія подробности объ агитаціонной дѣятельности Комит.: „Руководясь въ своей настоящей дѣятельности основными принципами революціонной соц.-демократіи, Комитетъ началъ массовую агитацію среди самыхъ широкихъ слоевъ рабочихъ Н.-Новгорода и нѣкоторыхъ заводовъ Нижегородской губерніи. Въ послѣднее же время Комитетъ распространяетъ агитацію и на крестьянскіе слои населенія губерніи и солдатъ... Всего было распространено различныхъ прокламацій къ рабочимъ разныхъ заводовъ и къ крестьянамъ — 1515 экз., напечатанныхъ, главнымъ образомъ, въ собственной типографіи".

„Нижегородская Раб. Газ. (№ 1) была издана въ 350 экз. Затѣмъ газета была превращена въ „Лист. Ниж. Раб. Газ.", который печатался все въ большемъ количествѣ экз. (№ 2 1200, № 3 2000, № 4 2400, № 5, майскій, 3000). „Кромѣ того, Ком. распространялись газ. „Искра" и „Раб. Мысль" и прокламаціи нѣкоторыхъ организацій, какъ напр., „Искры", „Пет. Союза" и „Бунда" За восемь мѣсяцевъ бюджетъ Комитета былъ: прих. 1135 р. 40 к., расходъ 1330 р. 95 к.

Въ № 5 „Жизни" напечатана и ею же издана въ видѣ брошюры статья тов. Плохоцкаго; „Взаимныя отношенія польскихъ и русскихъ соціалистовъ". Авторъ обвиняетъ насъ, русскихъ соц.-дем., въ „прискорбномъ незнакомствѣ съ самимъ польскимъ движеніемъ и его условіями". Онъ думаетъ, что именно это незнакомство порождаетъ среди насъ „рядъ странныхъ взглядовъ, совершенно напрасно нарушающихъ гармонію между двумя братскими по самому своему существу лагерями". Эти „странные взгляды" сводятся къ оцѣнкѣ той постановки вопроса о національной независимости Польши, которая дается въ программѣ „Польской соц. партіи".

Мы надѣемся, что въ недалекомъ будущемъ намъ удастся по существу разсмотрѣть вопросы, поднятые тов. Плохоцкимъ. Пока замѣтимъ, что можно только радоваться прямому обращенію польскихъ соціалистовъ къ русскимъ. Изъ брошюры тов. Плохоцкаго русскіе социалдемократы смогутъ ближе познакомиться съ взглядами старѣйшей партіи польскихъ товарищей. Слово теперь за товарищами изъ польской соц.-демократіи, которая, какъ извѣстно, держится въ вопросахъ программы взглядовъ, отличныхъ отъ П. С. П.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦ. БОРЬБЫ.

Въ Петербургѣ арестованъ учитель гимназіи Эккъ. — Въ Перми 12 сентября были обыски у служащихъ въ губ. зем. упр.: Крысина, Вошевой, Житковой и Дубровинскаго. Крысинъ и Дубровинскій арестованы. 3 окт. былъ обыскъ у учителя Очерскаго зав. (Оханскаго уѣзда) Высотина и у волостного писаря Пашихина. Высотинъ арестованъ. Арестованный въ Красноуфимскомъ уѣздѣ 17 августа агрономъ Мальцевъ все еще сидитъ; псаломщикъ Ряпасовъ выпущенъ. Взятые съ ними крестьяне тоже сидятъ. — Въ Севастопольской тюрьмѣ сидятъ съ іюня рабочіе Бубновъ, Фирсовъ, Горкуновъ, Евтушенко, Братуха, Зубаревъ, Вороновъ, Копецъ, Грибовскій, Стефановскій, Тамбовцевъ, Черновъ, Бабенко, Чернышевъ и еще двое; кромѣ нихъ вольноопредѣляющійся Крюковъ, нѣсколько солдатъ и матросовъ и одинъ студентъ. Студентъ Щепетевъ перевезенъ въ Симферополь. — Верхоленскъ (Ирк. г.). Арестованъ раб. Залкиндъ (ссыльный). — Въ Нижегородской тюрьмѣ, кромѣ 21 обвиняемыхъ по дѣламъ о демонстраціи, сидятъ студентъ Сысинъ, техникъ Гусевъ, семинаристъ Никольскій, бывш. гимназистъ Даниловъ, сормовскіе рабочіе Углевъ и Рогалевъ и курсистка Софья Доброхотова. Изъ демонстрантовъ — 13 раб., 4 интел. и 4 курсистки. Въ Одессѣ 17 сент. арестованы рабочіе Хмельницкій, Дубъ и Надворный; 24-25 сент. фотогр. Шварцъ и уч. зубоврач. школы М. Львовичъ. — Самара. 15-16 окт. произведено 20 обысковъ, между прочимъ, въ аптекѣ Волянскаго (при этомъ кто-то арестованъ), въ табачномъ магазинѣ Габай, у управскаго служащаго Иванова, желѣзнодорожныхъ служащихъ Барыбина и др. Арестованы: желѣзнодорожный служащій Зиссеръ, бывшіе статистики Ет мовичъ и Акромовскій, нѣкій земскій техникъ, одинъ гимназистъ и семинаристъ. Въ уѣздѣ тоже были обыски, арестована одна земская учительница. Наши синіе мундиры проявляютъ большое самодурство: за отказъ давать показанія или же за нежеланіе выдать товарищей они мстятъ заключеннымъ отказомъ въ пропускѣ съѣстныхъ припасовъ и запрещеніемъ свиданій. — По дѣлу о безобидной прошлогодней вечеринкѣ мнимые ея устроители: бывш. студ. Кузнецовъ и учредитель курсовъ бухгалтеріи Севрукъ сосланы въ Вятскую губ. Барышни, танцовавшія на вечеринкѣ, заключены въ тюрьму.

Сосланы въ Восточную Сибирь: токарь Юзефъ Венхъ (изъ Олькуша, Кѣлецк. губ.) на 3 года; Влад. Вербицкій, хлѣбн. торг. (изъ Николаева), на 3 года; Яковъ Борисовъ, городской учитель (изъ СПБ., по дѣлу раб. орган.), до приговора; Залманъ Роякъ, чернораб. (изъ Кайданъ, Минской губ.), на 2 г.; Сем. Вейсбремъ, студ.-полит. (изъ Риги) на 3 г.; Викторъ Ногинъ, раб., и Сергѣй Антроповъ, быв. студ. (оба нелегальные, изъ СПБ.), до приговора; Конкордія Захарова и болгаринъ Закубанскій (по одесскому дѣлу), до приговора. — Въ Вологодскую губ.: Влад. Куницкій, инжен.-химикъ (изъ Домброва) и Дав. Самойловъ (изъ СПБ.), оба на 3 г.

Бѣжали: изъ Вятской губ. Рерихъ (студ.-лѣсникъ, сосланъ по дѣлу СПБ. Союза Борьбы 1901 г.); изъ Восточной Сиб., кромѣ упомянутыхъ въ прошломъ номерѣ, еще въ началѣ года изъ Олекминска, Якутской обл., Марія Розенбергъ (сослана по Уральскому дѣлу 1899 г.).

Предательство Н. К. Паули. Читатели помнятъ о впечатлѣніи, произведенномъ на революціонную среду слухомъ о предосудительныхъ сношеніяхъ эмигранта Н. К. Паули съ русской политической полиціей, распространившимся года полтора тому назадъ. Всѣ революціонеры ожидали результатовъ разслѣдованія по этому дѣлу, производившагося „Аграрно-соціалистической Лигой." Появившееся въ концѣ прошлаго года заявленіе упомянутой Лиги о дѣлѣ Паули не могло удовлетворить этихъ ожиданій. Лига нашла, что попытка Паули „была съ его стороны лишь плодомъ крайне ложнаго и безусловно вреднаго взгляда на способы революціонной борьбы, а не чего-либо иного." Лига даже не исключила Паули изъ числа своихъ членовъ*), а лишь сообщила, что „Н. К. Паули больше членомъ ея не состоитъ" и никакого формальнаго предложенія другимъ революціоннымъ организаціямъ о судѣ надъ обличеннымъ ею Паули не сдѣлала. Такимъ образомъ, вопросъ объ обязательномъ для всѣхъ вообще революціонеровъ отношеніи къ новому Дегаеву не былъ поставленъ и не получилъ должнаго рѣшенія.

Въ виду этого, редакція „Искры" (см. № 15 „Развратъ въ революціонной средѣ") сочла необходимымъ, въ согласіи съ принципами, раздѣляемыми нашей организаціей, указать на недостаточность рѣшенія Аграрной Лиги и квалифицировать поведеніе Н. К. Паули, какъ „возмутительное и позорное." Въ то время наше заявленіе было многими признано излишне-жестокимъ по отношенію къ старому революціонеру, какимъ былъ Паули. Мы считали необходимымъ рѣзко высказаться, между прочимъ, для того, чтобы сдѣлать невозможными для Паули попытки вступленія въ какую либо новую группу, такъ какъ доступъ въ революціонную организацію ему не былъ закрытъ тономъ и содержаніемъ заявленія Лиги.

Эта предосторожность оказалась нелишней. Попавъ какимъ-то образомъ въ руки русской жандармеріи, Н. К. Паули, какъ это намъ достовѣрно извѣстно, даетъ въ настоящее время самыя предательскія показанія въ духѣ Гольденберга. Этими показаніями предатель даетъ жандармамъ богатый матеріалъ о революціонныхъ дѣлахъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, какъ членъ Агр. Лиги: такъ напр., имъ даны показанія о лицахъ, подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ съ Карповичемъ. По указаніямъ Паули арестованы уже, повидимому, нѣкоторыя лица (называютъ московскаго издателя Чарушникова). Но, вѣроятно, лица, имъ оговоренныя, не будутъ немедленно арестовываться, а послужатъ отправной точкой для разставленія шпіонской сѣти (таковъ методъ Судейкина-Плеве). Поэтому, мы настоятельно приглашаемъ всѣхъ товарищей, имѣвшихъ революціонныя сношенія съ Паули, проявить самую крайнюю осторожность и, во всякомъ случаѣ, предупредить всѣхъ соприкасающихся съ ними лицъ о томъ, что такія сношенія у нихъ были. Поступивъ такъ, эти товарищи смогутъ оградить себя отъ справедливыхъ упрековъ въ случаѣ, если окажется, что жандармы, заручившись цѣнными для нихъ указаніями Паули, готовятъ „основательный" разгромъ революціонныхъ организацій.

Пользуемся случаемъ, чтобы еще разъ указать, что въ дѣлахъ, подобныхъ дѣлу Паули, неумѣстна никакая снисходительность. Суровый (вполнѣ заслуженный) приговоръ надъ Паули не оградилъ бы насъ, конечно, отъ окончательнаго его паденія, но онъ бы лучше обезпечилъ неприкосновенность чести революціонныхъ организацій.

---

*) Въ настоящее время „Рев. Рос." (№ 12) сообщаетъ, что Паули былъ исключенъ изъ „Аграрной Лиги". Если такъ, то почему въ прошлогоднемъ сообщеніи Лиги объ этомъ не было прямо сказано?

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Насъ просятъ помѣстить слѣдующее заявленіе:

Въ № 3 „Раб. Знамени", вышедшемъ въ прошломъ году, была помѣщена такая замѣтка: „Къ позорному столбу! Арабажинъ — петербургскій литераторъ и редакторъ. Выгораживаетъ себя въ глазахъ полиціи, выдавая неповинныхъ подчиненныхъ ему служащихъ".

Эта замѣтка, повидимому, относилась къ ходившему въ то время въ литературныхъ кругахъ опредѣленному слуху о томъ, что г. К. Арабажинъ (быв. издатель „Сѣв. Курьера") прикрылся именемъ одного изъ своихъ сотрудниковъ для того, чтобы избѣгнуть отвѣтственности передъ полиціей за участіе въ одномъ невинномъ литературномъ собраніи.

По просьбѣ нѣкоторыхъ знакомыхъ г. Арабажина, мы разсмотрѣли доставленные ими документы и пришли къ заключенію, что содержащееся въ вышеприведенной замѣткѣ обвиненіе основано на недоразумѣніи и что въ инцидентѣ, о которомъ упомянуто выше, г. Арабажинъ ничего предосудительнаго не совершилъ.

В. Засуличъ. Г. Плехановъ. Л. Мартовъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Получено: Черезъ моск. представ. отъ *** 400 руб., черезъ Бл. 200 р., отъ буддиста 125 р., чер. секретарей 30 р., отъ стараго друга 700 мар., отъ лондонскаго соц.-дем. кружка 1 ф. ст., отъ сочувствующаго чер. Л. 2 фр. 20 сант., изъ К—а 10 руб., чер. Вас. Ник. отъ своихъ 200 руб., чер. Кольцова: за литерат. изъ Женевы 106 фр. 85 сант. и 81 фр. 85 сант., изъ Лозанны 12 фр., отъ лозанской группы 40 фр., отъ проѣзжаго 20 фр., за литературу 11 руб., изъ Льежа 80 фр., изъ Цюриха за литературу 32 ф., за чтеніе отъ радикала А. 50 фр., отъ стараго соц.-демократа 50 ф., изъ Москвы черезъ Мюнхенъ 50 фр.

Вышла въ изд. „Искры" новая брошюра: „Демонстранты передъ судомъ" (обвинительные акты по дѣл. о саратовской и нижегородской майской демонстраціяхъ, съ пред. редакціи).

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обращаться изъ заграницы по адресу: Herrn Axelro

Zurich, Vogelsangstrasse 9.

Типографія „Искры".